

Марина БОЛДОВА

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

Иногда семейные тайны
несут в себе и проклятье,
и благословение

Кукла
старого
Адама

Семейный детектив

Марина Болдова

Кукла старого Адама

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болдова М. В.

Кукла старого Адама / М. В. Болдова — «Издательство АСТ»,
2022 — (Семейный детектив)

ISBN 978-5-17-151063-3

Девяносто второй год. Шестилетняя Варечка становится свидетелем убийства старика – продавца кукол. Из витрины магазина на ее глазах исчезает с постамента любимая старинная кукла, которую Варечка навещает каждый день. А вскоре трагически погибает и мама Вари. Наше время. Варвара Тихоновна Одинцова никак не может поверить в то, что ее мать Анна Туранина, которую все считали давно погибшей, все эти годы была жива. И только сегодня ее действительно убили. Следователь следственного комитета Анатолий Строков, расследующий убийство Анны, приходит к выводу, что мотив этого преступления нужно искать в далеком прошлом... Но как со всем этим связана кукла?..

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151063-3

© Болдова М. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина Болдова

Кукла старого Адама

© Болдова М., 2022

© ООО «Издательство „АСТ“», 2022

Издание подготовлено при участии литературного агентства
«Флобериум»

1992 год

Варечка заворуженно смотрела, как кукла вдруг приподняла правую ручку, точно в приветствии, притопнула ножкой, и... улыбнулась. Тряхнув головой, пару раз зажмурившись, девочка плотно прижалась носом к стеклу витрины и замерла, боясь моргнуть, чтобы не пропустить еще какое-нибудь движение куклы. Но розовые пухлые губки уже не улыбались, а ручка так и осталась слегка приподнятой. Теперь перед Варечкой на обтянутом красным бархатом пьедестале стояла очень красивая, но совсем не живая кукла. Варечка разочарованно вздохнула. Она ходит к этому кукольному магазину каждый день с того самого утра, когда Эмили, так она назвала для себя эту дивную красавицу, впервые показалась ей живой. Всего на несколько мгновений, но их хватило, чтобы девочка поверила в чудо.

Варечка знала, что до закрытия магазина оставалось совсем немного, что вот-вот с той стороны стекла в витрину, прихрамывая на широких ступеньках, войдет старик, косо посмотрит на нее и протянет руку куда-то за спину куклы. После чего жалюзи будут медленно опускаться, постепенно закрывая окно. Последними Варечка была готова увидеть обутые в белые лаковые башмачки ножки Эмили. Вот сейчас прощально сверкнут красные пуговицы-кашечки на ремешках, а потом останется видна лишь бархатная обивка кукольного пьедестала.

Но в этот раз случилось иначе – башмачки вдруг мелькнули и исчезли. Варечка присела на корточки, пытаясь заглянуть в узкую полоску стекла между нижним краем жалюзи и полом витрины. Она не испугалась, нет, но ее сердце отчего-то забилося часто-часто. А вдруг? Вдруг Эмили умеет ходить и Варечка сейчас увидит это... Но вместо башмачков перед ее взором материализовались мужские ноги в черных ботинках. Они сделали шаг в сторону, еще один и, обогнув кукольный пьедестал, исчезли из поля ее зрения.

Варечка разочарованно вздохнула и хотела было подняться с асфальта. Но замерла: ей послышался громкий вскрик. Она вскочила, кинулась к входной двери магазина, потянула на себя ручку – но быстро поняла, что дверь заперта. Девочка вновь присела на корточки перед витриной и попыталась рассмотреть, что же такое происходит внутри помещения. То, что старый кукольник там не один, ей было понятно. Но Варечку больше всего интересовало, куда делась с пьедестала Эмили. Она отвернулась от окна всего на миг, посмотреть на кошку, которая уселась рядом с ней. Кошка тут же убежала, и Варечка вновь повернулась к витрине...

Рядом с кукольным пьедесталом лежал и смотрел на нее застывшим взглядом тот старик, что каждый день закрывал витрину магазина. Варечка, зажмурившись до боли в глазах, чтобы не видеть его широко открытых глаз, отчаянно закричала. Чьи-то руки подхватили ее, оторвали от асфальта, и это было последним, что она запомнила...

Утром, проснувшись, она сразу побежала на кухню, откуда слышались голоса мамы и папы. Дверь была прикрыта неплотно, Варечка, остановившись перед ней, услышала слово «кукла». Она вмиг вспомнила все, с ней вновь случилась истерика. Твердя о черных ботинках и лаковых башмачках, Варечка словно в бреду звала Эмили и не понимала, почему ее заставляют пить какую-то горькую воду.

Потом они с мамой долго ехали на машине, она даже заснула, положив голову ей на колени. Место, куда они прибыли, было ей незнакомо. Среди огромной высоты сосен стоял самый настоящий дворец. «Здесь живут принцессы?» – спросила она, когда они вошли в здание. «Нет, дочка, это – санаторий», – ответила мама. Варечка покорно согласилась пойти к доктору, ей казалось, он обязательно ее поймет, она все-все ему объяснит – как сбежала Эмили, как ее поспешил догонять человек в тех самых черных ботинках, а старик ему хотел помешать, но умер. Доктор слушал внимательно, но по тому, как тревожно он косился на маму, Варечка догадалась, что и он не поверил ей. Мама ушла, а ее доктор привел в совсем белую комнату, уложил в кровать и оставил одну. Она заснула в слезах, прижимая к себе любимую мягкую игрушку – серую мышь с розовыми ушами.

День за днем проходили одинаково – она спала, ела и ходила к доктору в кабинет. А мама все не возвращалась. Варечка спрашивала о ней, но няня сразу отворачивалась, а доктор тут же задавал ей какой-нибудь вопрос. И Варечка поняла, что так будет всегда. Ей было ужасно скучно, но других детей рядом не было. Нянечка, которая приносила еду, помогала умываться и давала ей лекарства, приносила и детские книжки. Варечка читала все подряд, сначала с трудом складывая слоги в слова. Она привыкла к такой жизни, но все равно ждала, когда ее заберут из этого санатория.

Однажды в дверь ее комнаты вошла мамина сестра тетя Катя и увела ее с собой. В больничной пижамке Варечка шла по двору, который до того видела лишь из окна, к воротам. Тетя Катя крепко держала ее за руку, словно боясь, что она захочет вырваться и побежать обратно. Но у нее и мысли такой не было, Варечка торопилась к маме в полной уверенности, что та ждет дома. И, скорее всего, готовит ей блинчики с картошкой и яблочным повидлом. А как иначе? Мама наверняка знает, как надоела дочке в санатории противная несладкая каша и вязкий кисель.

У ворот Варечка оглянулась – стоявший на крыльце доктор помахал ей рукой. Она быстро отвернулась и покрепче прижала к груди игрушечную мышь. Варечка точно знала, что больше никогда-никогда сюда не вернется.

2021 год

Прозекторская была ярко освещена неоновыми лампами. Одинцов стоял у стола и смотрел на прикрытое больничной простыней тело женщины. И никак не мог поверить, что это – всего лишь ее земная оболочка. Без души, обездвиженная смертью. Он откинул ткань с лица покойной. Оно пока еще сохранило бледную тень красоты женщины, Иван помнил его эмоционально живым, с лукавым блеском карих глаз, розовым детским румянцем и чуть тронутым косметикой – так, мелочь: на губах бледная помада, карандашом подчеркнуты брови, мазки туши на ресницах. Еще вчера днем Анна ему улыбалась...

Испытав смешанное чувство досады и несвойственного ему страха (столько лет наедине с трупами!), Одинцов открыл историю болезни – потеря сознания, реанимационные мероприятия... препараты... скончалась в машине скорой помощи. Предварительный диагноз: гипогликемия, диабетическая кома. Не довезли до больницы, не успели... «Анна жила одна в съемной квартире, местный контакт в смартфоне один – мой собственный номер, сама говорила. А я ей кто? Да вообще никто! И знать не знал, что она диабетик! А вопросов теперь не избежать», – подумал он, вновь испытав досаду. Не любил Одинцов попадать в такие неоднозначные обстоятельства. И отвечать за других не любил.

Иван полностью откинул белое полотно и приступил к тщательному осмотру. Беспокойство, овладевшее им с первых минут, как только он прочел имя на карте, не отпускало. Странное появление в его жизни Анны, странное поначалу ее поведение, позже ставшее понятным, странная смерть как-то уж очень не вовремя. Как раз сегодня он должен был познакомить ее

с Варей, тем самым сняв с себя ответственность за доверенную ему женщиной тайну – пусть дальше разбирается жена. Иван даже заказал столик в том самом кафе, где они с Анной встретились днями. Что он скажет жене? Или – не скажет? Уже зачем? Смысл? «Черт, как сложно-то! И к кому сунуться за советом? Оно мне надо – все самому решать? Родион... да, нужно позвонить ему!» – подумал Одинцов и склонился над телом.

Иван приблизил лупу к небольшой гематоме, которую заметил на шее за правым ухом женщины.

– Вот черт! Это еще что такое? – громко воскликнул он, обнаружив в центре едва заметную точку засохшей капли крови. «Сама она сюда вколоть шприц никак не могла. Убийство? Ну, я попал...» – пришла следом отчаянная мысль.

Санитар морга узбек Саид, стоя возле гудящей мерно вытяжки, насторожился. Он не услышал слов, но то, что его начальник выругался, не скрывая досады, его удивило – более сдержанного и вежливого русского, чем доктор Иван, в этом суетном городе он не встречал.

Глава 1

Варвара Тихоновна Одинцова, машинально поправив сползшее с босых ног Андрейки одеяло, заглянула в закуток, где спала дочь. В тесной для двоих подростков комнате их квартиры Стася недавно попросила выгородить себе угол, в котором поместились бы кровать и тумбочка. А ведь еще год назад она вполне мирно уживалась с младшим братом, деля с ним письменный стол и оба шкафа – книжный и гардероб. При обсуждении, как бы выполнить желание Стаси без ущерба для обоих детей, самое приемлемое решение предложил Андрейка: два стеллажа из коридора были использованы для зонирования, а гардероб переехал на их место.

Варя осторожно присела на край кровати дочери. Стася беспокоила ее все больше: к ее резко наступившему подростковому нигилизму Варя как мать была явно не готова, думая, что уж пара лет до наступления пубертатного возраста в запасе имеется. Не тут-то было, и Андрейка первым испытал на себе возникший на ровном месте гнев старшей сестры. И случилось это лишь из-за того, что без разрешения позаимствовал ее наушники.

Варя вздохнула – сколько еще битв между детьми предстоит наблюдать, сколько бессильных слез пролить, она примерно представляла – просветила ее недавно в этом вопросе кузина Дарья, у которой дети родились с той же разницей в четыре года, но раньше. Муж красавицы Даши, владелец строительной компании «РиВ» (Родион Ильич Варлей), быстренько сориентировавшись в ситуации (не прошло и года в скандалах), определил старшенькую в лондонский колледж с проживанием в семье, где, как он узнал, воспитание детей было строго пуританским. Ни тихий скулеж Даши, ни гневные вопли дочери не тронули черствого сердца бизнесмена, штампом «все оплачено» он подвел итог пререканий, выложив при этом перед ними на стол билеты на лайнер до Хитроу. Билетов было три: в один конец – для дочери, для жены – два, один из которых, обратный, имел открытую дату вылета. Чем Дарья и воспользовалась в полной мере – не видел ее муж полгода, туману Даша, рассказывая о британской жизни, напускала изрядно, заставляя ревнивца мучиться от неизвестности. И только Варя знала, как сестра проводит время – поселившись неподалеку от колледжа, та буквально «пасла» дочь. Только убедившись, что той учеба «в кайф», а новые друзья сплошь «в адеквате», Даша вернулась домой к мужу и сыну.

У Вари возможности отправить Стаську хоть куда, даже к бабушке подруги в Витязево на море, не было. С скромных зарплат: ее – учителя истории в средней школе и мужа – патологоанатома в городской больнице едва хватало на два быстро растущих детских организма. Благо Стаська за брендовыми шмотками не гналась, а Андрейка вообще не замечал, что носит и ест – какая-то неумная тяга к поглощению знаний появилась у него еще в ползунковом возрасте: книжки, открытые Стасей лишь раз, он замусолил до состояния негодности, переворачивая страницы и водя пальчиками по еще непонятным ему буквам. Когда старшая сестра научилась складывать слоги, Андрейка читал предложениями, тут же запоминая текст слово в слово. В три года Варя застала его за чтением вслух «Приключений Мюнхаузена». Книга была подарена Дарьей, которая одно время даже всерьез подозревала – Андрейка не сын ли ее мужа Родиона: тот в раннем детстве, как успела ей рассказать рано покинувшая этот мир свекровь, рос таким же книголюбом. Но нет, внешне Андрейка был уменьшенной копией Вариного мужа Ивана Одинцова. Обладатель рыжих волос, почти прозрачной светлой кожи и крупного носа, Андрей унаследовал от отца и аллергию на шоколад.

Иван уже в который раз задерживался до позднего вечера в больнице. Именно там, в прозекторской, и никак иначе, чему Варя верила безоговорочно. Хотя в сознании короткими вспышками и мелькали сомнения, она их тут же гнала прочь. Но в последнее время все чаще стала замечать, что ее убежденность в том, что если не думать об измене, таковой и не случится,

приводит Дарью в состояние истерического недоумения. При обсуждении этой темы, которую Дарья поднимала с настораживающим постоянством, кузина, глядя на Варю со смесью жалости и злости, издавала короткие нервные смешки, заставляя злиться уже Варю. Варя же порой не понимала, на кого направлена эта злость – на сестру или на саму себя, но упорно пыталась защитить то, на чем, как она считала, держится их с Иваном семья: честность и преданность друг другу. Да, звучит немного пафосно, но по-другому не скажешь. Но, проговаривая эту фразу вслух как мантру, Варя старалась на сестру не смотреть.

Вчера муж вернулся почти в десять, Дарья, забежавшая к ней вроде бы на минуточку часа два назад, никак не уходила. Иван бегло поздоровался с ней, извинившись, ретировался в ванную комнату, а на вопрос Вари, разогревать ли ужин, выкрикнул короткое «нет». Варя посмотрела ему вслед, обернулась к Даше и наткнулась на ее укоряюще-тяжелый взгляд. Дарья молчала, но заметив ее поджатые в кривой ухмылке губы, Варя вдруг подумала, что у той, видимо, имеются какие-то веские основания не доверять Одинцову. Но по какой-то причине сестра до сих пор их не озвучила.

В этот момент Варя и приняла для себя тот факт, что пора бы ей посмотреть на поздние возвращения мужа с другой, более объективной позиции. Конкретных фактов для обвинения Одинцова во вранье у нее не было. Только один маленький эпизод, одна на днях подсмотренная через окно кафе сценка... Ее муж и красивая дама друг напротив друга, цветы в низкой круглой вазе, перед каждым – креманка с шариками мороженого. Романтично... Разве что женщина уж как-то старовата для Вани. Да и свидание, если это было оно, случилось у них ярким солнечным днем, на глазах у прохожих, в самом неподходящем для тайных встреч месте – кафе располагалось на людной пешеходной городской улице.

Варя прошла мимо совсем близко, даже задержалась на несколько секунд у окна, но парочка ее не заметила. Женщина говорила, муж Вари слушал ее внимательно, но по выражению лица невозможно было определить, интересна ли ему тема беседы. Как показалось Варе, Иван был немного напряжен, это выдавали его застывший взгляд и сжатые в кулаки руки. Со стороны можно было подумать, что парочка выясняет отношения. Но более сдержанно ведет себя мужчина.

С сильно бьющимся сердцем, уговаривая себя не волноваться на пустом месте (а такое ли оно пустое?), Варя дошла до скамейки у фонтана, опустила на нее бочком и еще долго сидела в напряженной позе, не отрывая взгляда от двери кафе. Иван вышел один, Варя быстро набрала его номер на мобильном, задала вопрос: «Ты где?» Услышав в ответ: «В клинике», вдруг разом успокоилась. Что уж теперь, ничего не изменишь, свершилось...

«Сегодня поговорю с ним, в конце концов, эта неизвестность невыносима!» – решила она, выходя из детской и закрывая за собой дверь.

Спать хотелось смертельно, она непрерывно зевала и, проходя мимо спальни, с трудом избежала искушения зайти туда и лечь в постель. «Ничего, чаю выпью, на час-другой меня хватит, а там посмотрим», – подумала она, спеша на кухню. Варя достала с полки керамическую банку с травяным сбором с ее загородного клочка земли – места, где ей удавалось побыть одной – ни муж, ни дети на участок ни ногой. Так было заявлено ими в первый же день после приобретения ею в собственность этих шести соток в поселке Дружный, что в двадцати километрах от города. Покупка была блажью, она согласно кивала своему практичному мужу, пытавшемуся доказать ей нецелесообразность вложения пусть даже таких малых средств в землю, но упрямо стояла на своем. Иван сдался, три четвертых части ее семьи еще неделю демонстративно выказывали свое «фи», но Варя лишь улыбалась. Поняв, что сто двадцать одна тысяча, выигранная мамой в лотерею (билет был ей буквально навязан в кассе супермаркета), никогда уже не материализуется в дензнаки, дети успокоились, согласившись на компенсацию в виде домашнего йогуртового торта. Иван же при каждом случае, когда срочно нужна была какая-то

сумма денег, припоминал ей эту покупку, что неприятно удивляло Варю: она никогда до этого не замечала в нем такой злопамятности.

Варя налила в чашку ароматный напиток и вышла на лоджию. С высоты седьмого этажа припаркованную на обычном месте «Тойоту» Ивана она узнала сразу – белый капот после летней небольшой аварии он так и не перекрасил в черный цвет. Золотистая иномарка, оставленная хозяином прямо на дороге, показалась ей знакомой, но только что делать Дарье в их дворе поздно вечером? И уж если это она, почему бы не подняться в квартиру? Варю вдруг охватило беспокойство: габариты их машины были включены, то есть Иван все еще находился внутри. «Один? Или с кем-то?» – успела подумать она, и тут же дверца со стороны пассажира открылась. «Родион?» – вроде бы узнала она мужа Дарьи, который быстро пересел за руль иномарки, тут же рванувшей с места.

Варя наблюдала за Иваном до тех пор, пока тот, зайдя в подъезд, не скрылся из виду. Еще немного, и она задаст ему вопрос – что происходит? Когда-то, после одной из знаковых ссор, они договорились, что любой конфликт, любое недопонимание можно разрешить словами. Просто поговорить. Иван, более скрытный, чем она, пошел на это неохотно, как она подозревала, лишь в угоду ей. Но тогда Варя поставила ультиматум – или так, или – развод. Потерять ее муж, видимо, был не готов.

* * *

Одинцов заметил свет в кухонном окне их квартиры не сразу – когда, щелкнув брелоком сигнализации, машинально поднял голову. Значит, объяснений не избежать – скорее всего, Варя видела и машину Дарьи, на которой Родион приехал на встречу.

Иван понимал, что промолчать не удастся, завтра к десяти утра ему к следователю, нужно будет как-то объяснить жене, с чего бы это его вызывают. Он надеялся, что они вместе с Родионом придумают, о чем можно сказать ему, а о чем лучше не заикаться. И что ответить жене. Родион, выслушав нехитрую короткую историю его знакомства с Анной, выдал однозначное мнение – поведать историю так же коротко и Варе, не умалчивать и о свидании в кафе. Говорить максимально правдиво, слегка каясь. Типа, не было ничего такого, один раз кофе выпили, мороженкой полакомились, за жизнь поговорили. И в полиции покаяться искренне – повелся, мол, на зрелую красоту, так уж вышло. Ожидалось развитие отношений, а вместо того вон как получилось – увидел женщину на столе в прозекторской... неживую.

Вполне складно, но это – полуправда. Главное, сможет ли он не выдать главную информацию? О том, что Анна – родная мать его жены Варвары. Родион бы смолчал – глазом не моргнул, а ему, Ивану, еще отрепетировать упрощенную версию необходимо, чтобы не покраснеть в ненужный момент – такая особенность его светлой кожи, доставляющая массу неудобств, порой даже неприятностей. «Что ты Варьке скажешь – вот так, из ниоткуда ее мать появилась, столько лет мертвой считали, а она воскресла вдруг? С какой целью ожила, интересуюсь спросить? Не озвучила?» – с откровенной насмешкой в голосе допытывался Родион, а Иван в ответ молчал. Не знает он причин, не знает, и где пропадала Анна столько лет, если урна с якобы ее прахом захоронена на кладбище села Ровенки в склепе предков сестер Анны и Катерины Тураниных. Катериной и захоронена в тысяча девятьсот девяносто втором году, когда Варваре было всего шесть лет. После смерти матери, теперь уж понятно, что мнимой смерти, Варя воспитывалась в семье Катерины и ее мужа Александра Нила. Поэтому их с Родионом жены так близки: росли, словно родные, хотя на самом деле приходятся друг другу кузинами.

Иван шел на седьмой этаж пешком – давно решил, что хотя бы таким способом сможет избежать набора веса: по рассказам воспитавшей его бабушки, его отец был человеком совсем не худым. Да и мать, как он сам помнил, обладала весьма пышными формами. Одинцов увальнем выглядеть рядом с миниатюрной женой никак не желал.

На площадке между пятым и шестым этажами он услышал знакомый звук: щелкнул замок двери их квартиры. Еще полтора лестничных пролета, и его встретит вопросительный взгляд жены.

Глава 2

«Кажется, я зря Ваньке насоветовал не выдавать всей правды об Анне. Черт, как я забыл, что Варя видела его с женщиной, когда они сидели в кафе? – Родион недалеко отъехал от дома Одинцовых, но уже набрал скорость, как внезапно пришла в голову эта простая мысль. – Я-то знаю теперь, что это была воскресшая мать Варьки. А сама Варвара? Если бы для нее это было неважным, с Дашкой не поделилась бы. А та сразу мне выложила, наверняка обе гадали, как это Ванька повелся на такую пожилую даму. Уверен, что Варя задаст ему сегодня этот вопрос. Вот правда и вылезет наружу: Иван, припертый к стенке, выложит об Анне все хотя бы для того, чтобы реабилитироваться в глазах жены, мол, не любовница это была. Да, тупо было надеется, что все обойдется. Короче, сглупил я!»

Родион припарковался у обочины и набрал номер Одинцова.

– Вань, это я. Еще не поднялся в квартиру? Тогда слушай внимательно. Забыл сказать, что Варвара тебя застучала с этой Анной. Да, в кафе. Дашке рассказала. Как это что? Ну Варька-то не знает, что это была ее мать! Короче, рассказывай все как есть. А то хуже будет. Не забывай, что смерть женщины, сам сказал, криминальная. Все, пока.

Родион с облегчением вздохнул. Еще и потому, что удержать такую новость при себе тоже не сможет. Дарья тоже имеет право знать, что давно похороненная родная тетка вдруг воскресла. «И вновь отошла в мир иной», – констатировал он, заводя двигатель и выезжая на дорогу.

Родион не сразу поехал домой, хотел дать время Одинцову поговорить с Варей. Тогда ему будет легче начать разговор с Дашей. Она наверняка в полном недоумении, куда он рванул так поздно, да еще на ее машине. По каким таким делам, если уже вернулся из офиса. Давно договорились, что для поздних внезапных поездок может быть одно объяснение – ЧП на его стройках. В остальных случаях Родион, уж будь любезен, докажи необходимость в такой срочности и спешке. Жена обозначила границу дозволенного, он принял, потому что выполнить ее условие для него было легко: Родион сам всегда с радостью торопился домой. К ней, Дарье, любимой не меньше, чем восемнадцать лет назад, когда они только поженились.

...Он ее встретил в день защиты диплома, будучи в подпитии, но еще соображая вполне четко. Громко смеющейся толпой ввалившись в кафе, парни как по команде смолкли – нереальной красоты девушка, готовая выйти, спокойно отошла в сторону, пропуская их. Взгляд ее не был осуждающим, скорее, растерянным, словно она только что узнала что-то, чему не могла дать оценку – то ли радоваться, то ли плакать.

Администратор быстро переключила внимание друзей Родиона на заказанный заранее столик, те гуськом двинулись за женщиной по залу, а он рванул уже закрытую за собой девушкой дверь. Имя он спросил тут же, на крыльце, не давая ей ускользнуть, то есть сесть в подъехавшее такси. «Дарья», – назвалась она машинально, рассеянно, не глядя на Родиона. Он обнаглел до такой степени, что быстро обежал желтую «Волгу» с другой стороны, устроился рядом с Дарьей на заднем сиденье и замер. Адрес девушка, видимо, назвала при заказе, таксист молча тронулся с места, не задавая вопросов.

«А как вас зовут?» – тихо спросила Дарья, впервые посмотрев на него в упор. Он назвал, про себя в этот миг отметив, как же хорошо звучат вместе их имена – Родион и Дарья! Улыбнулся ей широко и полез в карман за паспортом. «Ну, зачем мне ваш паспорт! – воскликнула она, рассмеявшись. – Я не собираюсь за вас замуж!»

Он тогда слова ее всерьез не воспринял, обрадовавшись уже тому, что вывел ее из этого отрешенного состояния, которое так пугало. Зря он ей не поверил...

Она долго держала его в друзьях, замыкаясь в себе лишь от робкой попытки Родиона ее поцеловать. Он не стал терзать ее расспросами, подозревая, что потеряет совсем. Родион

не придумал ничего лучшего, как напрямую обратиться к будущей теще. Тяжело вздохнув и избегая его взгляда (а Родион замер от страха, сам так и не определив его природу), Катерина Петровна коротко объяснила причину настороженного поведения дочери.

Выслушав, Родион вздохнул с облегчением: ничего непоправимого не случилось. Дашин одноклассник Фарид Гафуров, единственный сын Равиля Гафурова, главного прокурора города, и Джамили Гафуровой, заместителя мэра, преследовал Дарью со школьных лет и до того дня, когда случилась авария, приковавшая парня к постели. Найти водителя фуры, которая снесла спортивный автомобиль Фариды с дороги в глубокий кювет, не удалось. Все произошло глубокой зимней ночью на трассе между городом и поселком, где находилась дача Гафуровых. Если бы не заблудившийся иногородний автомобилист, заметивший машину парня в канаве, тот вряд ли дожил бы до утра.

Персональный ад Дарьи кончился, но теперь она больше всего в жизни боялась навязчивости в отношениях. «Дай ей время, Родион. Будь терпелив, она тебе поверит», – успокоила Катерина Петровна.

Он был терпелив. Но однажды при нем Даше позвонила, как он догадался, мать Гафурова. И, как он понял, не впервые. Даша, выслушав от женщины гневные обвинения в том, что только она, «русская шалава», виновата в этой беде, что она и есть ходячая беда для ее мальчика, обреченно вздохнула, в ответ не произнеся ни слова. Родион слышал все: мать Фариды так орала, что и громкая связь не понадобилась. И пожалел лишь об одном – что не он был за рулем фуры...

* * *

Варя, впустив мужа в квартиру, бросила взгляд на настенные часы – ровно десять ноль-ноль.

– Ты опять поздно, что-то случилось? – не удержалась она от вопроса, стараясь не выдать голосом свое волнение. Она только что вытерла подступившие слезы – казалось-таки напряжение всего дня: к неприятностям в школе дома добавились конфликт с дочерью и беспокойство от ожидания мужа. Школьная ситуация коснулась лишь боком: девятиклассник, ударивший свою подругу, был из класса Стаси, Варя же как классный руководитель вела шестой «А».

Дочь комментировать ситуацию отказалась, отговорившись тем, что всю перемену просидела в наушниках и ничего не слышала. Из-за этого же происшествия они поссорились и дома. Варя оказалась невольным слушателем разговора Стаськи с матерью потерпевшей девочки. «Мне, чесслово, как-то индифферентно то, что у Риты там с этим лузером, Ираида Марковна. Я ее предупреждала не связываться. Ее право – не послушалась, вот и прилетело, – с насмешкой проговорила дочь и, видимо в ответ на возмущение той, спокойно выдала: – Нет, мне ее не жаль. А бесплатные советы для дур у меня закончились». «Стася, ты почему хамишь взрослому человеку? – Варя едва сдержалась, чтобы не наорать на нее. Дочь лишь досадливо повела плечами. – К тому же Рита твоя подруга, я не ошибаюсь? Тебя не волнует, что с ней происходит?» – уже удивленно спросила она ее, словно не узнавая в этой циничной девушке своего милого застенчивого ребенка.

«У меня нет и никогда не будет подруг. Все женские особи лживы и продажны», – отчеканила дочь, оторвав наконец взгляд от экрана мобильного телефона.

«А я... а тетя Даша?» – пролепетала растерявшаяся Варя, но ответом ей стало холодное молчание.

Молчание мужа было другим. Виновато-суетливым, с ссутуленными плечами, с опущенным к полу взглядом. Он никак не мог скинуть кроссовок, видимо, сильно затянул узел шнурка. Наконец, справившись с проблемой, переобулся. Но пошатнулся, засовывая ногу в тапок. Варя наблюдала за ним, ожидая ответа на свой вопрос.

– Давай позже, Варь. Накормишь? Я в душ, – со вздохом произнес он, направляясь по коридору в сторону ванной комнаты. – Ты только не надумывай себе всякой ерунды, ладно? – обернулся все же он в середине пути.

– Да ладно-ладно, – успокоительно пробормотала Варя, убирая обувь Ивана на полку. От его виноватой улыбки легче не стало. Варя выключила возникшую на мгновение жалость к уставшему мужу, вспомнив, что совсем недавно настрой на серьезный разговор у нее был нешуточный. А это означает, что никакие уловки не помогут Одинцову избежать допроса. Она так решила сегодня, и точка.

«Вы такие деликатные оба с Ванькой, аж тошно! Или скрытные, пока никак не пойму», – беззлобно констатировала вчера Дарья, подведя итог их разговору о мужских изменах. А всего-то Варя высказалась, что нехорошо так-то, прямо в лоб, задать вопрос мужу: а нет ли у тебя, дорогой, отношений с женщиной на стороне? А следом: не сменить ли тебе, Ваня, постоянное место жительства, раз уж так случилось? Это потом, когда дверь за ним и его заботливо собранным тобой чемоданом, захлопнется, плакать и злиться, строить планы мести и как-то начать жить в новом статусе одиночки. Именно этого страшилась Варя больше всего – остаться одной, влиться в недружный школьный коллектив старых дев и разведенков, ловить на себе их понимающие взгляды – мол, добро пожаловать в наши ряды, ничем вы, Варвара Тихоновна, от нас теперь не отличаетесь. И страшно подумать, как воспримут развод родителей Стася и Андрей. «Деликатность – не самая плохая черта характера», – отговорила вчера Варя, а Дашка вдруг засобиралась домой, завидя на пороге кухни Ивана.

Сейчас Варя призналась себе, что Одинцов никогда не был деликатным, он просто многое от нее скрывал, чтобы не врать ей в глаза. Наверное, боялся, что жена сразу его разоблачит. И в данный момент он, например, репетирует в ванной комнате, как бы правдоподобнее выкрутиться из ситуации с той женщиной в кафе.

«Куда-то не туда меня занесло, о чем думаю? Иван же только что предупредил, чтобы заранее не волновалась. Значит, ничего страшного не случилось», – попробовала уговорить себя не паниковать Варя, доставая из холодильника картофельное пюре, салат и котлеты.

Услышав, как муж прошел из ванной комнаты в спальню, Варя сунула тарелку с ужином в микроволновку. Подумав, что немного вина не помешает, достала из буфета бокалы и бутылку «Изабеллы». «Ну, все. Сейчас или... Никаких „или“», – окончательно подвела черту сомнениям она.

Глава 3

Свернув с трассы после выезда за городскую черту, Родион направился в сторону небольшого придорожного кафе. Кофе он мог пить круглосуточно – привык к напитку еще в беспокойные студенческие годы. Он заказал двойной по-турецки, но вместо того, чтобы сесть за столик, подошел к стеллажу с книгами.

Он был знаком с бывшим хозяином этого кафе еще с тех времен, когда тот продавал букинистические издания на пяточке у блошиного рынка недалеко от их дома. Ходил Родион туда с отцом, эта охота за редкими экземплярами книг по медицине была их воскресным ритуалом. Ради этого Родион сам просыпался рано, сам делал бутерброды, наливал в термос кофе. Они садились на трамвай, а иногда проходили пешком эти три остановки. На рынке народу с утра было мало, продавцы еще только раскладывали свой товар. И пока отец с Семеном Никифоровичем вели неспешную беседу, сидя на дощатых ящиках, застеленных газетами, Родион рыскал по рынку в поисках нового приключенческого романа для себя. Потом они втроем пили кофе и ели бутерброды.

Уже не было в живых отца, когда Семен Никифорович открыл это кафе, особенностью которого стали полки с книгами. В прошлом году в мир иной отправился и старый книголюб, а Родион по привычке при каждом удобном случае заезжает выпить кофе именно сюда.

Он взял книжку в мягком переплете, взгляд притянуло не название, а безобразное оформление обложки. Горе-художник попытался, видимо, изобразить влюбленную пару, но у нарисованного мужчины был такой взгляд, будто он едва сдерживает отвращение, а одна рука женщины была явно на пол-ладони длиннее другой. На лице – выражение смертельной усталости. В гамме цветов преобладал непонятного оттенка синий, отчего вся книга казалась вывалянной в грязи. Он прочел аннотацию: роман оказался детективным и к тому же неизвестного автора, но книжицу Родион все же для Дарьи прихватил, вспомнив, что та на днях жаловалась, что читать ей нечего.

Пока пил кофе, открыл роман, начал первую главу. Читалось легко, Родион неожиданно увлекся: автор сразу закинула читателя в гущу событий, на первых же страницах намекнув на некую семейную тайну, имеющую корни в далеком прошлом.

Он бы так и сидел на мягком стуле, пил по глотку горьковатый напиток и читал. Но дома ждала жена...

До поселка оставалось двадцать километров, Родион прикинул, что по времени должен успеть до того, как ляжет спать сын: он вез ему новые наушники взамен утерянных сегодня в лицее. Невеселая мысль, что Макс в последнее время замкнулся в себе, все чаще отказываясь от традиционной вечерней партии в шахматы, пришла не впервые, но Родион все еще надеялся, что таких проблем, как со старшей дочерью, с Максом не будет.

Он сам не заметил, как домчался до дома. Казалось, только что отъехал от кафе, а вот уже перед ним шлагбаум его коттеджного поселка «Дубки». Первый его серьезный проект, его мечта, к которой шел долго. Шестнадцать лет назад он выкупил эту землю, нарезал ровные участки, на одном из которых построил коттедж своей семье. После скитаний по области (где найдет заказ на строительство, там и дом родной) – свое гнездо. Семью не видел неделями, а молодая жена – красотка, как уберечь? До сих пор поглядывает на нее с удивлением и нежной благодарностью: не сбежала, ждала в квартире на окраине города, где когда-то он жил с родителями. Крутилась одна с маленькой Никой – памперсы, смеси, ночью как ванька-встанька, весь маршрут: детская поликлиника – дом – ближайший магазин. Мама Родиона совсем немного не дождалась рождения внучки, так что помощи Дашке не было. Спасибо Одинцовы были на подхвате: с другого конца города, чуть что, мчались на своих стареньких «Жигулях». Год мотались... Когда себе дом построил, остальные участки были распроданы вмиг, его бригады

возводили особняки один краше другого, каждый по индивидуальному проекту. Потом еще землю прикупил, еще построил... а недавно понял: вырос он из игры в кубики...

Родион вдруг подумал, что не откажи тогда теща, любезная Катерина Петровна, в помощи (замуж вторично собралась, еще и с переменной места жительства), Дарья с Варварой, возможно, были бы не так близки. Потому что Дашка будущего мужа сестры приняла в штыки. Резко высказала ей, что ее Одинцов – скользкий тип. Понятно, что на эмоциях, никаких конкретных фактов, порочащих жениха, у Дарьи не имелось, но она упрямо стояла на своем – Одинцов сестре не пара. Варвара ее, конечно, не послушала, замуж вышла.

Родиону казалось, нормальная получилась семья у Варьки. Даже завидовал немного: любые спорные вопросы у них решались без излишних эмоций. С его женой это было невозможно. Реагируя очень остро, Дарья за языком не следила, могла и обидеть. Родион, любя, все прощал, легко успокаивая разбушевавшуюся жену одним поцелуем. Всерьез ее слова не воспринимал, зная, что нет в них злости или гнева. Варя тоже терпеливо относилась к сестре, а вот Иван обижался.

Так что, если бы не возил тогда Иван Варю через весь город к Дашке на помощь, семейных встреч могло бы в дальнейшем и не быть вовсе. Виделись бы сестры только в случаях крайней необходимости...

Родион загнал машину под навес и направился к входной двери. Под ногами скрипел гравий дорожки, и он в который раз подумал, что нужно все-таки, несмотря на протесты жены, положить вместо камешков плитку.

Этот вход в дом считался «черным», потому что располагался между гаражом и кухней. Но все члены его семьи пользовались именно им. Родион через узкое боковое окошко рядом с дверью увидел жену: Даша накрывала на стол. Движения были плавными, неторопливыми, Родион залюбовался на миг, не торопясь зайти в дом. Только почувствовав, как осенняя вечерняя прохлада проникает под тонкую куртку, открыл дверь.

* * *

– Случилось что? – Дарья уже час как не находила себе места, пытаюсь отвлечься от тревожных мыслей: сначала муж вдруг рванул по делам на ее машине, а через несколько минут в неурочное время (обычно созванивались по утрам) вышла на связь по скайпу матушка. Ее вопрос, все ли у них нормально, насторожил – обычно та сначала выкладывала свои новости, а затем фразой «ну, а вы как?» вроде бы давала разрешение открыть рот и ей.

В этот раз выглядела Катерина Петровна растерянной, взгляд отводила, а за спиной маячил ее муж: Дарья видела на экране только часть туловища от груди до низа домашней куртки. Александр Гендель (по совпадению звали его, как и родного отца Дарьи), проходя мимо жены, дотрагивался до ее плеча, словно успокаивая. Видимо, поняв, что в семье дочери все ровно, матушка быстро попрощалась и отключилась – на экране возникла ее фотография.

Неясная тревога заставила Дашу наведаться в комнату сына. Тот ее визита даже не заметил – огромные наушники надежно отгораживали его от внешнего мира. Звонок дочери из Лондона час назад, короткий разговор ни о чем был лишь стандартной услугой со стороны Ники: на этих «отчетах» о пройденном дне настаивала Даша. Общие фразы не успокаивали, но и не огорчали, она однажды приняла-таки позицию мужа: дочь не жалуется, значит все у нее нормально.

Так и не справившись с волнением, Даша стала ждать возвращения Родиона...

И вот он стоит на пороге, тоже, как и матушка недавно, старательно отводя в сторону взгляд.

– Случилось? Да ничего вроде такого. Нужно было срочно встретиться с человеком. Я же недолго, правда?

«Ого, сколько слов! С чего бы?» – успела подумать Даша (как правило, муж обходился коротким «нет»), и тут Родион буквально забросал ее вопросами. Он спрашивал, как прошел день, не звонила ли Ника, закрыл ли долги по истории Макс (надо же, помнит!), а она, двигаясь за ним по пятам, машинально отвечала.

Лишь когда он скрылся в ванной комнате, Даша вернулась на кухню. Самое уютное место в доме, отвоеванный у мужа с боем прованский стиль в интерьере, собственный дизайн и приложение своих рук – даже деревянные фасады шкафчиков, открытые полки, потолочные балки она шкурила, красила и украшала изображением букетиков лаванды сама. Кухня вышла удобной в мелочах, идеально подходящей ей, но настолько отличной от остальных помещений, что гости заходили туда, как в музей. Женщины зависти не скрывали, мужа торопились увести своих жен к накрытому в гостиной столу, но через некоторое время вся компания перемещалась за овальный кухонный стол. Отбрасывались манеры, официальные тосты и негромкий деликатный смех в конце рассказанных анекдотов.

За плотно прикрытой кухонной дверью разрешалось все – есть мясо без ножа, пить вино, не дожидаясь чьих-то красивых слов, в полный голос хохотать над шутками. Однако всем было известно, чего не терпит она как хозяйка – пошлых анекдотов и оскорбительных высказываний по любому адресу – будь то присутствующий гость, отсутствующий знакомый, местный политик либо сам президент. Обойти острые темы обычно удавалась легко – люди, способные, напившись, потерять человеческий облик, в гости к Варлеям званы не были никогда.

Даша налила себе в керамическую кружку какао, отломилась от плитки шоколадки и опустила ее в горячий напиток. Так, подкладывая в чашку по кусочку, она обычно опустошала пол-литровую емкость за считанные минуты, пока какао было горячим. И только после, чтобы смягчить приторно-сладкий вкус, выпивала немного теплой кипяченой воды. Их с Варькой любимое баловство с детства.

Звонок мобильного отвлек от мыслей о сестре, но всего лишь на мгновение – из динамика телефона раздался ее голос. Пара вопросов Вари, Дашины ответы «нет» на оба, поспешное Варино «созвонимся позже» и тишина.

Взгляд, коим Дарья одарила застывшего в дверях кухни Родиона, не предвещал тому ничего хорошего.

Глава 4

Пока муж принимал душ, Варя, уже твердо уверенная, что Одинцов в машине был не с кем иным, как с Родионом Варлеем, позвонила сестре. Даша на два оба ее вопроса – звонил ли ей недавно муж и не произошло ли у них в доме какое-то важное событие – ответила односложно. А Варя, не зная, что еще сказать, тут же отключилась. Получается, эти двое что-то там обсуждали, а им, женам, ни гу-гу. Что ж, если Одинцов будет юлить, то она... Развить мысль до конца она не успела: с мокрой головой и махровым полотенцем, накинутым на плечи, на кухню пришел Иван.

Она терпеливо ждала, когда муж что-то скажет. Под ее пристальным взглядом тот быстро проглотил ужин и потянулся к бутылке вина. Разлив вино по бокалам, наконец заговорил. Первая же фраза «Варвара, твоя мама Анна Петровна, как оказалось, не погибла в девяносто втором» была произнесена торжественно, с легким придыханием.

– Правда, сегодня ее уже не стало по-настоящему. Ее привезли ко мне в прозекторскую на вскрытие, труп оказался криминальным, я нашел место укола, – на одном дыхании выпалил муж. – А в телефоне ее местный контакт только мой! – в отчаянии добавил он и замолчал.

Варя смотрела на мужа с недоверием – что за бред тот только что поведал? Какая Анна Петровна... мама?! Та, что на фотографиях? Почему – живая? Воскресла? Когда дошло – да, о ней и речь, захлестнула обида, даже слезы выступили. Поймав удивленный взгляд Ивана, Варя сделала глубокий вдох и потянулась за конфетой: верный для нее способ переключиться на позитив. Показалось, целлофановый фантик шуршит так громко, что звук этот может разбудить детей, они вот-вот придут на кухню, увидят лица родителей, начнутся расспросы... а врать ни она, ни Иван не умеют. И тогда... что говорить-то? Дети, у вас нашлась бабушка! Нашлась и... умерла?

Мысль об Андрейке и Стасе заставила вскочить со стула и рвануть к кухонной двери. Плотно закрыв ее, Варя с облегчением вздохнула. Иван смотрел на нее со страхом.

– Давай все по порядку, Ваня. Ты ее не узнал...

– Нет! И ты бы никогда не догадалась, что это она, поверь!

– Я бы почувствовала! Почему она обратилась в первую очередь к тебе? Не ко мне, а к тебе! Да еще и так... пошло! Клеиться к чужому мужику! У тебя поперек лба надпись «я в поиске»?

– О чем ты?! Анна знала, кто я! Просто нашла повод познакомиться.

– А ты повелся! – Варя бросила злой взгляд на мужа. – А если бы она была не мать мне? Просто тетка посторонняя? В постель бы затащил?

– Варвара, остановись. Анна Петровна мертва. Ее убили, а ты... Кстати, Родион сейчас все Дарье выкладывает. Наверное, та скоро позвонит, – отвлек он ее.

– Ладно, прости. Когда Анна тебе призналась? В кафе? Цветочки от тебя были?

– Букет? А... – замялся он вдруг. – Нет, когда я пришел, официант как раз ставил его в вазу.

– Ты хочешь сказать, что до тебя Анна с кем-то встречалась? И, учитывая подаренные ей цветочки, это был мужчина. Но в контактах ее мобильного, как ты утверждаешь, только твой номер. Странно, не находишь?

– На мой номер она звонила с местной симки. А в ее телефоне их две! Наверняка есть еще абоненты. Услышь меня, я – единственный местный, с кем она общалась. Следовательно, похоже, меня подозревает.

– Не вижу оснований. Ты же весь день на рабочем месте был? Ну, не весь... обедать ходил! Да вот его визитка. Нужно рассказать, как думаешь? О мужчине...

– Конечно нужно. «Следователь СК капитан юстиции Анатолий Строков», – прочла Варя вслух. – У Стаськи в классе учиться его сын Костя. Помнишь, такой вихрастый паренек, очень высокий. Был у нас в доме на дне ее рождения в прошлом году.

– Смутно. Отец его тоже не карлик. Знаешь, он мне почти не задавал вопросов, я даже занервничал. Но завтра в десять мне в следственный комитет. Наверняка будет допрашивать под протокол.

– Это его работа, – машинально произнесла Варя. – Так, давай, Ваня, сейчас ты постарайся вспомнить все, что говорила Анна. Начни с первого знакомства.

– Супермаркет около больницы знаешь? «Таруса», экологически чистые продукты. Зашел за овощами, ты сама просила дайкон, а он там всегда свежий, не вялый. Проходил мимо стеллажей с упаковками сухофруктов, заметил, как женщина пытается достать с верхней полки пачку мюсли. Это была Анна. Помог, конечно.

– Она сама к тебе обратилась?

– Не помню... нет, просто обернулась, посмотрела, улыбнулась просительно. Но ни слова не произнесла. Я заговорил первым – показал, что такая же коробка стоит и ниже. Вот тогда она вроде как смутилась и произнесла что-то такое, типа – самое свежее не всегда доступно. Маркетологи, мол, на уровне глаз часто выкладывают просрочку. Мы сравнили даты на обеих коробках, Анна оказалась права – срок годности мюсли, за которое ухватился я, был на грани.

– Вспомни, ты не уловил акцента? Сразу не подумал, что перед тобой иностранка? – Варя почему-то решила, что долгое отсутствие матери можно оправдать жизнью за границей.

– Ничего такого. Чистая грамотная русская речь.

– Значит, жила она где-то в России, – разочарованно заметила она. – Что дальше?

– Мы пошли на кассу, она – с пачкой мюсли, я – с пакетом дайкона. Пока шли, обменялись парой фраз о хитростях успешной торговли. Она расплатилась первой...

– Ага! И не ушла?

– Да, ждала у входной двери, как я понял, именно меня. Вот тогда я подумал, что она ко мне, ну... клеится. Варь, в мыслях даже флирта не было, поверь! Отшить вот так, сразу, не получилось, я думал – подвезу до дома, распрощаюсь вежливо.

– Подвез? До квартиры? – равнодушно задала вопрос Варя.

– Да, проводил до двери. Потому что из ячейки камеры хранения в магазине она достала еще два пакета с продуктами, довольно тяжелые. Я просто помог ей их поднять на третий этаж. Дом без лифта...

– Перестань оправдываться, Ваня. Ты ее пригласил на свидание?

– Какое свидание?! Она хотела отблагодарить за помощь, предложила выпить кофе. Днем! В людном месте! Кстати, а ты откуда про цветы знаешь?

– Дошло? Я вас видела. Не лъсти себе. – Варя протестующе подняла руку. – Не следила! Проходила мимо, вы сидели у окна. Я даже не остановилась, – слукавила она и опустила взгляд, чтобы не выдать себя.

– Неслучайная случайность? – ухмыльнулся муж. Варя в ответ промолчала.

...Они познакомились в травмпункте, куда девятиклассница Варя попала с вывихом голеностопного сустава прямо с урока физкультуры. Внес ее в смотровой кабинет сам учитель, тут же смывшийся в коридор – телефонный разговор оказался важнее, чем страдающая Варя.

Ее душила обида – внимание молодого физрука дорогого стоило, ради него и полезла она на этот чертов канат, добралась до потолка, почти спустилась, но тут позорно шлепнулась на мат, подвернув ногу. Одноклассницы завистливо смотрели вслед, когда физрук нес ее к своей машине, она торжествовала, уловив в его взгляде, обращенном на нее, искреннее, как ей показалось, сочувствие. А тут – кинул на кушетку и – за дверь.

Варя вздохнула и тут же громко ойкнула. «Поосторожней нельзя?! У меня перелом может быть!» – сорвала она зло на рыжем парне, сидевшем на корточках у ее ног. «Все у тебя нор-

мально... уже! Это вывих был». – Тот встал и отошел в сторону. «Справился, Одинцов? Молодец! Не передумал еще карьеру на трупах делать? А то давай в ортопеды, рука у тебя легкая, – серьезно произнес пожилой врач, что-то писавший за столом. Варя с ужасом посмотрела на рыжего парня... – Так, Варвара Тихоновна, голуба моя, обратно своими ножками потопaeшь. И вот его благодари», – кивнул пожилой врач на «трупного карьериста», как уже окрестила того Варя.

«Спасибо», – пискнула она и кинулась за спасением к вошедшему в кабинет физруку.

То была первая случайная встреча с тогда еще ординатором Иваном Одинцовым. Еще несколько «случайных», как думала Варя, столкновений в самых разных местах организовал, как выяснилось лишь после свадьбы, ее будущий муж...

– Ваня, давай не отвлекайся, о чем говорили с Анной?

– О тебе. Я заказал кофе и мороженое, Анна молчала, пока официант не ушел, а потом сразу огорошила заявлением, что она – твоя мать.

– Вот так просто выдала информацию, без всякой подготовки?

– Начала с фразы «Иван, мне нужно сказать вам важное. Времени у меня не так много, поэтому скажу прямо: я – мама Вари». Вот слово в слово, клянусь!

– Почему мало времени? Торопилась куда?

– Понятия не имею! Я на несколько мгновений впал в ступор, не знал, как реагировать. Она просила, чтобы я организовал вам встречу, как-то тебя подготовив. Я, честно, подумал – аферистка. Но она положила передо мной пачку старых фотографий. Там и ты маленькая, вы с Дашкой рядом, Катерина Петровна, Анна и еще, как я понял, – Дашкин родной отец.

– Эта Анна похожа на мою мать на фото?

– Нет. То есть когда я взял ее фотографию и сравнил – да, разрез глаз, форма носа – очень похожи. И еще что-то неуловимое, я так и не смог решить, что это... Она, заметив мое недоверие, призналась, что делала пластику.

– Ты поверил...

– И ты бы поверила. На одном из снимков, которые она мне показала, мужчина и женщина, девушка и девочка. Там на обороте надпись «Семья Тураниных – Лидия и Петр, дочери Катерина и Анна. 1978 год». Так вот Анна нынешняя – копия Лидии, твоей бабушки. А та, что у нас дома на портретах, очень похожа на отца – Петра Туранина. Анна после своей мнимой гибели изменила внешность под свою мать.

– Зачем? Зачем было инсценировать смерть, чтобы через столько лет воскреснуть? Причин она не озвучила? Ты же интересовался, так ведь?

– Анна обещала объясниться при встрече с тобой. Точнее, с вами всеми.

– И ее убили. Кто, Вань?

– Аутопсию теперь проводит судмедэксперт, утром, я думаю, будет заключение о причинах смерти. Потом возбудят уголовное дело, проведут расследование, в итоге капитан юстиции Строков найдет убийцу, – отчеканил Иван.

– А мои вопросы так и останутся без ответов...

– Ну почему? Главное, поймать преступника, тогда станет известен мотив... Варь, ты помнишь, как ты жила с матерью? Где? Кто тебе рассказал, что она погибла?

– Совсем ничего не помню, – вздохнула Варя, в который раз расстраиваясь от своего неведения. – Вся моя жизнь в воспоминаниях начинается с того дня, когда я выхожу за ворота с территории, на которой стоит старинный особняк, с тетей Катей. В руках – серая плюшевая мышь с розовыми ушами, моя любимая игрушка. Мы садимся в машину, за рулем – дядя Саша Нил, ее муж. Они привозят меня на Вознесенскую, я вхожу в квартиру, меня встречает Дашка, ведет в свою комнату, усаживает на мою кровать. Мою! Как будто я там всегда жила. Но Дашка потом мне рассказала, что на самом деле я у них не жила, мы только ходили с мамой к ним в гости, и кровати этой не было! На этом месте стояло пианино, а на нем – старые фотографии

в рамках и статуэтки. Германский кружевной фарфор. Я не помню, но нам с Дашкой, оказывается, настрого запрещалось их трогать. Мы тайком их брали, когда дома никого не было. Перед моим возвращением из санатория пианино вынесли в зал, туда же отправили и кресло-качалку, в котором мы, две тощие девчонки, умещались свободно. Я помню, что заплакала и попросила отвезти меня к маме. Сначала мне сказали, что она уехала в командировку. Но через несколько дней Дашка проболталась, что маму взорвали в машине. Ей попало от тети Кати, наказали не по-детски, лишив прогулок и сладостей. Игровую приставку давали только мне. Я воровала для нее конфеты из кухонного буфета...

– Что с тобой стало, когда ты поняла, что мамы больше нет? Прости...

– Как ни странно, я быстро приняла этот факт и успокоилась. Не знаю, как мне, шестилетней, это удалось, но я признала, что теперь моя семья – тетя Катя, дядя Саша и Дашка. И их старый кот, с которым у меня никак не складывались отношения – не любил он меня. Война с котом, довольно жесткая с обеих сторон, окончилась очень скоро и моей победой – кот был сослан в деревню, а мне куплены новые тапочки и отдана в чистку плюшевая мышь – главный враг Мурзика. Я могу утверждать, что детство у меня было счастливым...

– То есть твоя жизнь до шести лет – провал?

– Нет, почему... мельком вспоминалась мама, но только как образ, ни лица, ни фигуры... Я, конечно, знаю кое-что со слов той же тети Кати. И еще, конечно, Даши. Так, некоторые моменты. Например, тот факт, что у меня была няня. Но ее саму я совсем не помню! Знаю от Дашки – та была нашей соседкой по этажу.

– Где вы жили с мамой, помнишь?

– Не помню, но знаю. Недалеко от Вознесенской, на Базарной. Дашка меня как-то водила в наш двор – но, убей, я там ничего не узнала! Ни дом, ни детскую площадку, ни цветники вдоль забора. Подъезд в доме один, это старый купеческий особняк в два этажа. Мы поднялись на второй, там три двери, но которая наша, я так и не вспомнила. Даша показала на ту, что справа от лестницы.

– Смотри что получается... Ты не помнишь ничего, что касается твоей жизни с мамой до того, как тебя отвезли в санаторий. Не помнишь, кто тебя туда поместил. Но как тебя оттуда забирала тетушка, не забыла даже в мелочах. Что за санаторий? В городе?

– Не знаю, Вань. На территории росли огромные сосны, очень много. Просто густой лес. Внутри здание, где я находилась, мне тогда казалось чем-то вроде дворца – мы с тетей Катей спускались по полукруглой широкой лестнице в холл. Еще помню люстру, колонны по кругу. Между двумя стоял обыкновенный письменный стол. Помню, тетя Катя с трудом открыла входную дверь, такая та была тяжелая. По аллее мы дошли до ворот, какой-то мужчина отпер ключом калитку рядом. Я обернулась – на крыльце стоял тот доктор, что меня лечил.

– Как тебя лечили? Уколы, таблетки? Какие-то физиопроцедуры?

– Нет, уколов не было. Каждое утро и вечер давали пить какую-то жутко противную жидкость, но сразу после я получала конфету. И еще со мной часто разговаривал тот доктор, который потом провожал нас с тетей Катей, стоя на крыльце.

– Но Катерине Петровне должно быть известно, что это за место. Ты спрашивала?

– Конечно, когда была подростком, меня интересовало все, связанное с прошлым, которого я не помнила. Тетя Катя объяснила, что это – детский санаторий. У меня было обострение хронического тонзиллита, там меня подлечили. Все. Вопрос как бы закрыт.

– Варя, очень похоже, что тебе целенаправленно стерли воспоминания о конкретных событиях твоего раннего детства. И не в санатории ты лечилась, а в неврологической клинике. Я знаю такую у Красной горы, там действительно сосновый лес и бывшая барская усадьба, в которой эта клиника располагается и по сей день.

– Что такого могли убрать из памяти шестилетнего ребенка?! Я поняла бы, если бы это сделали после смерти мамы – допустим, я видела сам взрыв.

– Отца своего ты совсем не помнишь?

– Нет! Вань, не мучай меня больше. На все вопросы может ответить только тетя Катя. Но как заставить ее говорить правду?

– Я думаю, когда Катерина Петровна узнает про воскресшую и тут же убитую сестру, то как на духу выложит все, что ей известно. Не нам, так капитану юстиции Строкову.

Глава 5

– Ну, прости. – Родион виновато улыбнулся, но тут же сам понял, что продолжить фразу все же придется. – Расскажу все, только покорми.

– Вина? У меня рыба, карп, на гарнир рис.

– Давай вина. И карпа, и рис, и соевый соус... Даш, мы сначала решили не поднимать тему...

– Мы?

– Да, я и Ванька. Вроде договорились молчать пока... но передумали. Он же не может врать Варьке...

– А ты мне можешь? – с усмешкой спросила Даша, ставя перед ним тарелку с едой.

– Да в общем-то тоже нет. Но тут как бы его тайна... Так вот, Ванька сейчас рассказывает о создавшейся ситуации Варю, скорее, уже рассказал, а я доложу тебе. Сядь, Дашка, не мельтеши, мне трудно сосредоточиться. Ты мать Вари помнишь?

– Тетю Аню? Весьма смутно. Мне было восемь, когда она умерла. Меня даже на похороны не взяли. Если бы не фотографии, она для меня, да и для Варьки, была бы фигурой абстрактной, скорее даже литературным персонажем бульварного романа. Потому что, послушав мою матушку, можно подумать, что короткая жизнь Анны Тураниной – череда совершаемых ею грехов. И как следствие закономерный конец жизненного пути – темная история ее смерти...

– Она жива, Даш, – перебил Родион, торопясь освободиться от информации. – То есть жива была до сегодняшнего дня. Сегодня ее тело привезли в прозекторскую Ивана. Остановка сердца, умерла прямо в «Скорой», практически у ворот больницы.

– Чушь какая-то! С чего Ваня взял, что это она? По фамилии в паспорте? Так Туранины не редкость. Или есть еще что-то?

– Во-первых, она не Туранина, а Шуйская. Видимо, успела побывать замужем. А во-вторых, недавно Анна сама подошла к нему в торговом зале супермаркета. Однозначно с целью познакомиться. Иван даже какое-то время думал, что красивая дамочка к нему банально клеится. Выглядела она, с его слов, просто супер! Он ошалел, когда позже узнал, сколько ей лет на самом деле. А потом, ты знаешь его – чертова деликатность помешала отшить женщину сразу, он помог ей что-то достать с верхней полки, потом поддержал разговор, ну, а дальше закономерно подвез с покупками к дому. А на следующий день они встретились в кафе...

– Вот, оказывается, с кем Варька его застукала!

– Да, это была мать Вари. Я Ваньку предупредил, что жена наблюдала сцену их свидания, так сказать.

– Ну и зря! Пусть бы выкручивался сам! – в сердцах заметила Даша. – Я вот о чем подумала... Варька видела лицо женщины, сидели они с Одинцовым возле окна, а Варька рискнула подойти близко. Почему же она мать не узнала? Портрет тети Ани у них в спальне на консоли стоит, помнишь? Новую рамочку я еще из Лондона привезла... Ладно она, Ванька-то как не догадался, в упор глядя?

– Ни сном ни духом. Даже когда призналась, что она мать Вари, не поверил. Лицо другое абсолютно, пластические хирурги поработали, она и не скрывала. Анна подготовилась к встрече основательно – предъявила зятю результаты ДНК экспертизы и кучу семейных фотографий. Заметь – анализ свежий, август этого года.

– Интересно, как она образец для сравнения добыла?

– Я как-то даже не подумал об этом. Да и какая разница?

– А Иван что, даже не поинтересовался?

– Видимо, нет. Говорит, на все его вопросы она отвечала, что объяснит всем сразу, чтобы не повторяться. То есть и тебе, и Катерине Петровне, как я понял. Если та не в курсе, что сестра жива. Вот тоже вопрос...

– Странно, что к Варе сразу не пришла. Ну хотя бы что-нибудь о себе Ваньке рассказала?

– Ничего. Договорились, что он Варвару сегодня подготовит к встрече, а завтра Анна придет в кафе, куда Ванька пригласит и Варю. А почти к концу рабочего дня в прозекторскую доставили ее труп. Мрак... Даш, вот нужны Варьке эти волнения? Я так Ивану поначалу и сказал – не было матери в ее жизни, пусть бы так и оставалось, – неуверенно произнес Родион.

– С ума сошел, Варлей?! Себя на ее место поставь. Конечно, у нас она росла как родная. Моя матушка, да и отец, пока жил с нами, между нами различий не делали. Все поровну – подарки, поездки, развлечения. Стоп. Только сейчас дошло – с час назад матушка звонила, интересовалась, все ли в порядке... У меня такое чувство, что ей все же известно о воскрешении сестры из мертвых. Как думаешь, может такое быть?

– Почему нет? Логично, если Анна ей первой открылась. Непонятно, почему именно сейчас? Что такого произошло в ее жизни, что она рискнула объявить себя живой?

– Вот именно, дорогой, причина должна быть обязательно. Странная история...

– А я одного не пойму – как это Катерина Петровна умудрилась похоронить ее почти тридцать лет назад? Опознала труп?

– Там опознавать было нечего. Все случилось в нашем дворе на Вознесенской, тетя Аня приезжала к нам в гости. Пробыла недолго, отдала мне подарок ко дню рождения и ушла. Мама собственными глазами из окна наблюдала, как она садится за руль. Я в это время за столом доедала кусок торта. И вдруг взрыв, я к – окну, а там горит машина, вокруг суета... мама из квартиры выбежала, заперла меня снаружи. Остальное «кино» я смотрела в окно.

– Ты никогда об этом не рассказывала... Я думал, Анна в аварии погибла.

– Таковую версию мама с отцом озвучивали всем. А на самом деле тетю Аню убили. Только, выходит, не убили... Я вот вспомнила, милиция тогда так быстро приехала, словно за углом ждали. Когда я к окну подбежала, во двор как раз две машины въехали одновременно. Одна – черная «Волга», вторая – милицейский «уазик». Это что, постановочный спектакль был? Чего ради?

– Отец твой где в это время находился?

– На работе. Он от мамы обо всем узнал только вечером, когда вернулся.

– Ты уверена? Ну, хорошо. Скорее всего, твои родители были в курсе постановки, Даш. Катерина Петровна – с самого начала, а мужа просветила только после удачного завершения дела. Пусть вечером. Кстати, в девяностые многие братки таким образом уходили от закона.

– Но тетя Аня никак на братка не тянула! – усмехнулась Даша.

– Значит, была как-то связана с бандитами, например была любовницей криминального авторитета. Знала о нем много.

– Да ладно... хотя... Варьку-то она от кого-то родила. Но жили они вдвоем. Нет, подожди, там был какой-то приходящий папа, Варька показывала мне его подарки, хвалилась. Только я тогда думала, что она все врет, ей всего шесть лет было, мало ли что ребенок насочиняет.

– Варвара – Тихоновна, отчество, скорее всего, от настоящего отца. Неужели ты это имя Тихон от родителей ни разу не слышала?

– Слышала, конечно, но уже после смерти тети Ани. В разговорах с отцом она часто повторяла: «Если бы не Тихон...» А дальше шли упреки в адрес тети Ани в духе, что, мол, связалась с ним. Да, вероятно, этот Тихон и есть отец Варьки. Если еще жив. Знаешь, странно как-то, но моя мать всегда говорила о тете Ане с пренебрежением, упирая на то, что ее жизнь – пример, как не нужно жить. Отец соглашался. Но эти разговоры никогда не велись при Варьке.

– Даш, нужно твою матушку попытать, пусть все расскажет как было. Теперь смысла нет скрывать правду, сестры в живых нет.

- Можно попробовать. Но ты ее знаешь, если что не по ней, выключит скайп.
- Жаль, что с отцом ты совсем не общаешься.
- Он нас бросил, уехал в Германию и там сразу женился. Мама не простила, мы с Варькой тоже были обижены на него, в общем, даже не пытались найти.
- А он? Неужели вот так просто вычеркнул вас из списка близких?
- А зачем мы ему были нужны в новой жизни со своими проблемами? Что связывало его с нашей страной? Александр Нил – немец и всегда этим гордился. Представилась возможность эмигрировать – не задумываясь, уехал. Так что поговорить с ним не удастся. Мать, я уверена, даже не знает, где он живет. И я не знаю, и Варя.
- Кстати о Варваре... а где она была, когда ее мать взорвали? У вас?
- Нет, Варька была в санатории. Не знаю, с чем лежала, вроде горло ей лечили, хронический тонзиллит. Она помнит только белую палату и доктора.
- Негусто. А что Катерина Петровна по этому поводу говорила?
- Да я как-то и не спрашивала. Какая разница? Это даже хорошо, что Варька не видела сам взрыв, да и на похоронах не была. Это же надо – спектакль какой разыграли!
- Нужно бы все-таки прояснить вопрос – роль твоей матери в этом действе заранее отрепетирована? Или она не ведающий истину статист? – гнул свое Родион.

Глава 6

Стася Одинцова подслушала весь разговор родителей – от начала и до конца. Когда мать вдруг резко рванула к двери кухни, успела спрятаться в родительской спальне. Потом вновь вернулась на свой пост. Из-за плотно закрытой матерью двери отдельные слова были совсем не слышны, но общий смысл беседы Стася уловила. Когда поняла, что взрослые больше не скажут ни слова, поспешила смыться с занятой позиции. Она тихо отошла от кухонной двери, сделала несколько осторожных шагов по коридору и только тогда нарочито громко хлопнула дверью туалета.

Как отнестись к полученной информации, она пока не знала, но запахло семейной тайной, серость существования в скучной со всех позиций семье приобрела краски. Пока бледные, потому что воскресшая так неожиданно бабуля была для Стаси фигурой абстрактной, красивым лицом на портрете, и только. А дед и вовсе был известен только именем – Тихон. Да и был ли дед? До сегодняшнего дня ее этот вопрос не волновал, от отсутствия в ее жизни древних предков она не страдала, пирожками и сладостями ее никто в детстве не баловал. Мама, правда, по праздникам пекла йогуртовый торт, любимый всеми – и Одинцовыми, и Варлеями.

Стася тяжело вздохнула – как не хватает ей Вероники, которую дядя Родион сослал в Лондон! Нет, они, конечно, общаются каждый день по скайпу, по-прежнему в курсе дел друг друга, но в последнее время рядом с Никой ее друг Эдвин, который, как утверждает та, знает по-русски только пару слов. Но Стасе все равно мешает присутствие третьего. Без сомнения, для нее – лишнего.

Она сама, когда связывалась с Никой, уходила в сквер в квартале от дома. Неухоженный, с останками круглого фонтана в середине, он не был местом для приятных прогулок, только жители окрестных пятиэтажек выводили туда собак справить свои надобности. Четыре скамьи торчали перевернутыми вверх ножками, поздними вечерами на них тусовались местные подростки, среди которых попадались и Стасины одноклассники из числа тех, с кем она в школе даже не здоровалась.

Стася ненавидела свой район, типовую школу и страшную девятиэтажную «панельку», в которой жила. Ненависть эта появилась не вдруг, она словно росла вместе с ней, крепла с возрастом, рождая одно желание – уехать из этого места куда угодно! Она уже начала готовить мать к мысли, что после девятого класса уйдет в колледж. Правда, намеками, которые мать пока не понимала.

Она мечтала, как уедет в Москву или Питер, потому что, поступив в местный, рискует остаться жить в этой квартире в одной комнате с братом. На своем койко-месте за книжными полками, которое выгородили по ее просьбе родители. Неудачники, не сумевшие заработать на нормальный дом. Такой, например, как у Варлеев. Или, на худой конец, на двухэтажную квартиру в элитном доме у парка, куда недавно переехали Гордоны. Элитарность места определялась уже тем, что на придомовую территорию можно попасть только через пост охраны. Стася была у Ритки один раз, унижение, ожидая разрешения войти, испытала такое, что чуть не врезала охраннику, смотревшему на нее, как ей показалось, с жалостью. Зло сорвала на Ритке, едва поднявшись на лифте на шестнадцатый этаж: та встретила ее с улыбкой, которую Стася посчитала за издевку.

Вот эта навязчивая мысль – уехать любой ценой – и стала ее стимулом к учебе. Стася понимала, что без отличного аттестата и максимальных баллов за ОГЭ в столичный колледж на бюджет ей не поступить. На платную учебу у ее родителей средств не было: мать – историчка в ее же школе, отец – вообще мрак – патологоанатом в морге при больнице. Оба – честные трудяги, краснеющие от вранья. Кстати, интересно, что завтра они ей наплетут о воскресшей

вдруг бабке? А она, Стася, спросит их обязательно, о чем так громко шептались на кухне в столь поздний час.

О! Она чуть не забыла, что инфу из первых рук может получить у Строкова. Костик ради свидания с ней вытрясет из отца, который, как выяснилось, является следователем по делу, все подробности смерти этой Анны. Ну, сходит Стася с ним в «Макдоналдс» бургер пожевать, колой запить, не убудет с нее. Зато знать будет больше, чем родители.

Что ж там за бабка такая загадочная, что даже от дочери пряталась столько лет? Знать бы фамилию, под которой бабуля жила...

Стася откинула крышку ноутбука – спать расхотелось, она решила все же связаться с Никой: до завтра она такую новость держать в себе не сможет. Но ее остановила одна мысль. «Допустим, Катерина Петровна знала, что сестра жива, значит, как-то они общались? Обитая по разные стороны границы, кстати. Одна здесь, другая – в Германии. Они обе пожилые, а старушки у нас на каких сайтах висают? Правильно, в первую очередь – на „Одноклассниках“. Ну, и, возможно, в другой соцсети. Так, откроем сначала первый. – Стася, с трудом вспомнив пароль от своей страницы, которую забросила почти сразу, как открыла, зашла на сайт. – Для начала нужно найти Катерину Нил, мать тети Даши. Или Гендель по новому мужу? Черт, ни той, ни другой! Туранина? Девичья фамилия... Есть! Да еще и открытый профиль! Офигеть сколько друзей – двести девяносто два, сорок восемь подписчиков! А-а-а... понятно – цветочки, рассада... Да, домик у нее нехилый, видно, что новый ее муж человек не бедный. Ищем среди друзей Анну Туранину... нет такой, да оно и понятно. Тогда просто Анну. Тридцать восемь!»

Стася решила методично просмотреть профили всех, надеясь на то, что найдет какую-нибудь зацепку. Она слышала, как родители прошли в свою комнату, по пути щелкая выключателями. Еще некоторое время из-за общей стены доносились их приглушенные голоса, затем наступила тишина. Стася успела проверить два десятка Анн, но ни одна из них даже отдаленно не подходила на роль сестры Катерины Петровны. Стася устала. Чувствуя, что засыпает, она надела наушники и подключила плеер...

Лицо этой женщины кого-то ей напоминало, в памяти всплыла подслушанная фраза отца о том, что нынешняя Анна очень похожа на свою мать, то есть Лидию Туранину.

Стася встала с кровати, подошла к книжному шкафу и выдвинула один из ящичков. Обтянутый темно-синим бархатом альбом принадлежал, как она знала, Катерине Петровне, но хранился почему у них, Одинцовых. Она нашла фото Лидии и Петра Тураниных – вне сомнений, эта Анна с множеством звездочек и значков вместо фамилии была их дочерью.

«Раз Анна в друзьях, то Катерина Петровна знала, что сестра жива. Знала, но никому не говорила. Интересно, с какого времени они общаются?» – Стася нажала на фото, зашла на страницу Анны, но профиль той оказался закрыт. С досады Стася резко хлопнула крышкой ноутбука. Говорить с Никой смысла не было, да и спать хотелось смертельно. Уже засыпая, она вдруг поняла, кто сможет вскрыть страницу Анны – брат Ники Макс Варлей.

* * *

Дарья на вопрос мужа не ответила, просто не знала, что сказать. Они давно с матерью словно чужие. Когда отношения начали портиться? Наверное, считать можно с того времени, когда эмигрировал за границу отец. Мать при любом удобном случае старалась упрекнуть дочь в том, что он был вынужден сбежать из-за нее и каждый раз припоминала историю с Гафуровыми. Матушка плакалась, что Нил бросил ее одну с двумя незрелыми, как она выражалась, девицами. Дальше шло перечисление всех бед, что на нее, бедную, свалились. Главной бедой она считала хроническое безденежье. Хорошо, что тоска по мужу оказалась недолгой, у Катерины Петровны появился весьма щедрый поклонник, судя по дорогим продуктам, заполнив-

шим полки холодильника. Но упреки не прекратились, Даша чувствовала, что раздражает мать, порой даже больше, чем Варя. Эта нелюбовь самого родного человека сделала ее неуверенной в себе, она стала избегать любого общения, не было подруг, она не доверяла даже Варьке. И если бы не встретила Родиона... Но даже ему довериться полностью Даша так и не решилась.

...Даша подумать не могла, что детская любовь Фариды превратится в маниакальную страсть. Казалось, была дружба, и, конечно, она замечала, что нравится ему. Но не только ему! А Фарид ни одного парня близко к ней не подпускал. Ее это даже устраивало. Если бы не это его признание в девятом классе, не откровенная злость, которая тут же исказила красивое лицо, когда она, всерьез не приняв его слова, рассмеялась... Синяки от его пальцев на запястьях скрывала долго – так сильно вцепился, она даже вырваться не пыталась.

То, что после этой сцены Даша начала его сторониться, не помогло – Фарид просто обездомил, его дружки избивали каждого, кто пытался с ней познакомиться. Он следил за ней, это было очевидно. Однажды Фарид вроде бы в шутку сказал, что готов заполучить ее любой ценой. Ей бы насторожиться, но она даже не приняла его слова всерьез. Это стало ее ошибкой, но поняла это Даша слишком поздно. Нужно было все-таки пожаловаться отцу, как только Гафуров впервые пригрозил, что возьмет ее силой.

Она боялась, но молчала. Еще и потому, что понимала: папа, узнай о ее страхах, кинется с Фаридом разбираться. А у того отец – главный прокурор города, мать – заместитель мэра. Кто будет виноват? Так и получилось, что страх за отца перевесил собственный.

Беда случилась летом: после очередного ее отказа Фарид выполнил свои угрозы. Она возвращалась вечером от одноклассницы, остановилась машина, дружки Фариды схватили ее, затолкали на заднее сиденье... Наверное, один из них перестарался, когда ударил по голове – очнулась она уже от боли, первое, что увидела – искаженное похотью лицо Фариды... Ей тогда было шестнадцать...

– Дашуль, о чем задумалась? – Муж смотрел с тревогой. – Ты иногда вот так уходишь в свои мысли, и поверь, страшно на тебя смотреть. Никак не привыкну.

– Папу вспомнила, – отговорила она, вытирая выступившие невольно слезы. – Я даже не знаю, жив ли он. Кажется, до сих пор зла на него, а накатит иногда – и понимаю, как его не хватает. Но что говорить, наверное, счастлив с новой женой, может быть, и ребенок есть. Зачем ему я?

– Ты никогда не рассказывала, почему он так резко уехал? Это же как-то с Гафуровым связано?

Дарья вдруг подумала, что вот все у них с Родькой есть – любовь, дети, достаток. А доверия у мужа к ней нет. Такого полного, когда можно бы жене и поплакаться, когда проблемы, обсудить, вместе пережить. Но нет. Родион никогда близко к делам ее не подпускает – а ведь были сложности, были! Долгов набрал, но жизнь ее и детей в тот период не изменилась. Лицей оплачивал, фитнес ей и еще курсы дизайна, даже на Бали отправил на месяц всех троих. Все в долг, как потом выяснилось: случайно жена его друга-банкира проговорилась.

Даша тогда решила – развод. Жить без доверия смысла не имеет. Ну неужели бы она не поняла, что денег в семье нет? И не нужны ей ни Бали, ни фитнес. Учебу детям сама бы оплатила – вон золотых побрякушек полная шкатулка, сдала бы в ломбард. Ну, раз не нужна ему ее поддержка, тогда – все, хватит. Это – не семья, когда молчком друг от друга... Она уже заготовила гневную речь, но тут вспомнила, что сама-то от Родиона ту историю с Гафуровым скрывает столько лет! Выходит, недоверие у них взаимное...

Может быть, сейчас пришло время?

– Да, папин побег связан с Гафуровыми. Ты знаешь, машину Фариды какая-то фура снесла в кювет. Он чудом выжил, теперь инвалид. Это случилось, когда мне было шестнадцать, – осторожно начала она.

– Я в курсе. Но при чем тут твой отец? Не он же был за рулем той фуры?

– Нет, конечно. Останки сгоревшей машины нашли за сотни километров от места аварии, но водитель скрылся. Так и неизвестно, кто это был, фуру угнали со стоянки мотеля, пока водитель спал. Ты же знаешь, что отец Фариды – прокурор, врагов, естественно, тьма, наверняка были проверены все возможные версии. Но Гафуров для себя назначил виновным моего папу. С первых дней после аварии в автомобильном салоне отца начались проверки. Налоговая, СЭС, пожарники, сам знаешь, как это бывает. Его бизнес явно давили.

– Подожди, но что-то тут не стыкуется. Причина должна быть, основания... или я чего-то не знаю, а, Даш? – пытливо посмотрел на нее муж. Дарья вздохнула.

– Да, Родион, основания были. Гафуровы решили, что мой отец отомстил их сыну. Летом того года Фарид меня изнасиловал. Они уговорили меня не писать заявление, я по глупости согласилась. Ты помнишь, как его мать потом меня обзывала, ты же все слышал!

– Но я подумать не мог...

Даша с болью смотрела на побледневшего мужа, понимая, что сейчас, после ее признания, он должен будет решить, сможет ли жить с ней дальше. «Что же, если не простит, я пойму. Только детям что скажем? Почему вдруг развод?» – совсем сникла она, когда Родион молча поднялся со стула и, резко распахнув застекленные двери, вышел на веранду. Даша мгновенно замерзла от ворвавшегося в теплое нутро кухни холодного ветра, но встать со стула и пойти прикрыть за мужем дверь так и не решилась. Сколько времени она просидела в этой напряженной позе? Думая только о том, что вот так, за несколько секунд, сказав всего пару фраз, она потеряла Родиона.

Замерзнув окончательно, она поднялась со своего места и, чтобы хоть чем-то себя занять, начала мыть посуду. Все так же с веранды тянуло ветерком, муж не торопился вернуться в тепло дома, а Даша неожиданно разозлилась.

«Пауза затянулась, Варлей, – мысленно обратилась она к нему. – Почти двадцать лет любил, а тут вдруг раз, и все закончилось? Так не любовь, значит, это была, давай уж, решай что-нибудь...»

Он подошел сзади и, крепко обхватив ее руками, прижал к себе. «Замерзла? Это я виноват, прости», – сказал тихо. Затылком Даша ощутила спокойное дыхание, а от легкого прикосновения сухих губ к мочке уха по телу пробежалась волна дрожи. Она столько лет с ним, а никак не может привыкнуть к этой магии: одним только поцелуем муж мог возбудить в ней желание. И ладно бы, если бы это случалось только в спальне...

Родион развернул ее к себе.

– Даш... правильно, что тогда не рассказала правды, я б убил его. Добил! И сел лет на двадцать.

– Поэтому мы с мамой и молчали...

– Не знаешь, Фарид жив?

– Не знаю, – насторожилась Даша. – Зачем тебе?

– Не переживай, сейчас я бы не стал его трогать. Смерть – слишком легкое наказание за то, что он сделал. Пусть мучается. Давай закроем тему. Все, забыли.

Даша промолчала. Вот как раз забыть-то она и не может... А сможет ли он?

– Ты так и не ответила на вопрос: как думаешь, Катерина Петровна знала, что во время взрыва самой Анны в автомобиле не было? – вернулся он к прежней теме разговора.

– Нет, Родион, тогда не знала. Или моя мама отличная актриса. Потому что я видела, как она переживает из-за смерти сестры. Не забывай, она ее вырастила. Когда не стало их родителей, Анне было лет десять, родственников никого. Стало легче, лишь когда мама вышла

замуж за моего отца. Но вполне допускаю, что встреча с воскресшей сестрой у нее состоялась. Ну, на худой конец, общение в интернете. И произошло это не так давно. Как думаешь, не позвонить ли ей сейчас? В Германии почти десять, время не такое уж позднее.

– Давай. Все равно нужно сообщить о смерти Анны. Вызывай.

Даша вошла в скайп...

С экрана ноутбука на нее смотрел... отец. Постаревший, седой, но такой узнаваемый и родной, что она расплакалась.

– Дарьюшка, не пугайся, это я. У нас беда, дочка, мамы больше нет...

Глава 7

Варя повернулась к мужу – спит, раскинув руки в стороны, тонкий хлопковый плед прикрывает лишь нижнюю часть торса. Всегда-то ему жарко, бедному. Она уж и окно оставляет на микровентиляции, сама прячась от ночной осенней свежести в теплую пижаму и натягивая пуховое одеяло под подбородок. Да еще подтыкает его под себя, чтобы ни одного шанса не дать холодку подобраться к телу. Как они прожили вместе столько лет такие разные? Варя – существо теплолюбивое, и Одинцов – рожденный в разгар зимы в Тюмени, где его молодые родители проходили институтскую практику, а потом и остались работать. Там же Иван прожил и первый десяток лет жизни.

Варя никогда не встречалась ни со свекровью, ни со свекром. Видела их лишь на фотографиях со студенческой свадьбы: ранний брак распался, когда Ване исполнилось шесть лет. Отец из жизни сына исчез навсегда, о нем Иван поведал ей одной фразой: «Смылся в неизвестность, подлый трус». Мать через четыре года вновь вышла замуж, отправив сына в районный городок на Волге к бабушке. Простить родительницу муж не может до сих пор, мрачней каждый раз, когда Варя пытается уговорить его познакомиться, наконец, бабушку с внуками – адрес матери Иван знал: новая ее семья обитала в том же доме в Тюмени, где он когда-то жил с ней. Варя один только раз осторожно поинтересовалась, из-за чего разошлись родители. «Из-за измен отца! И хватит меня допрашивать!» – грубо осадил ее Иван. Тема семьи мужа в тот день была окончательно закрыта.

Варя потянулась к телефону, чтобы посмотреть, который час. До звонка будильника оставалось пятнадцать минут, можно бы еще полежать, но она решила, что раз уж завелись эти лишние минутки, побалуует она семейство утренними оладушками. Варя осторожно, чтобы не разбудить мужа, выбралась из постели...

Трель дверного звонка застала ее, когда она натягивала на пижаму теплый халат. Она почему-то сразу обернулась на мужа, тот лежал с открытыми глазами, бессмысленно уставившись в потолок. Тряхнув головой, словно прогоняя остатки сна, Иван перевел взгляд на нее.

– Лежи, я открою. – Варя, недоуменно пожав плечами – мол, понятия не имею, кто в такой ранний час, поспешила в прихожую.

Она смотрела на отца одноклассника дочери, капитана юстиции Строкова, и не понимала, зачем все эти люди с ним? Двое в форме, пара соседей «по карману», и, кажется, местный участковый. Она улыбнулась, делая приглашающий жест, но на ее улыбку никто не ответил. Тесная прихожая вместила лишь троих: Строкова и полицейских, остальные мялись на пороге, ожидая, когда представители власти пройдут в глубь квартиры. Но Варя не торопилась пропускать Строкова, загородив собой узкий проход в коридор, ведущий к спальням.

– Здравствуйте, Варвара Тихоновна, – сухо поздоровался он. – Мы к вашему мужу. Одинцов Иван Сергеевич? – громко задал вопрос Строков, переводя взгляд выше ее головы.

– Да, я. – Муж слегка подвинул ее в сторону и вышел вперед.

– Вы задержаны по подозрению в убийстве Шуйской Анны Петровны тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года рождения...

«Театр абсурда», – первое, что пришло в голову Варе, прежде чем она начала вслушиваться в затянувшийся монолог Строкова, зачитывающего права задержанного.

– Какой из Вани преступник? Вы что-то напутали, Анатолий Юрьевич. Мой муж не мог убить мою мать!

– Варвара Тихоновна, откуда вам известно, что погибшая Анна Шуйская – ваша мать?

– От Ивана. Ваня, ты вчера ничего не рассказал следователю? – перевела она взгляд на мужа.

– Я же говорил, мне к десяти в следственный комитет. На допрос. Там бы и рассказал! – В голосе мужа звучала откровенная досада.

– Расскажите, Иван Сергеевич, обязательно. Одевайтесь. Поверьте, для задержания есть веские основания, Варвара Тихоновна, – вновь обратился Строков к Варя. – Кстати, в котором часу вчера ваш муж вернулся домой?

– В десять он поднялся в квартиру. Но приехал раньше – во дворе он разговаривал с мужем моей двоюродной сестры. Говорили как раз о знакомстве Ивана с Анной...

– То есть о содержании их беседы вы узнали со слов мужа... Почему вы сказали «о знакомстве»? Раньше разве он не был знаком с тещей?

– Раньше и я не была с ней знакома! Моя мать погибла в девяносто втором году при взрыве автомобиля. Как выяснилось – это была инсценировка. Она жива и здорововала до вчерашнего дня. Правда, я не в курсе – где и с кем. И почему именно сейчас вдруг воскресла из небытия, тоже не знаю! Мы оба ничего не знаем! Столько всего... загадочного вдруг, а тут еще вы со своим дурацким арестом! – сорвалась на крик Варя, не выдержав напряжения.

– Успокойтесь, Варвара Тихоновна. Я во всем разберусь, обещаю.

Варя кивнула. Она словно сдулась, выпустив все эмоции, на которые ее хватило. Ноги подкашивались, слезы бессилия ручейками стекали по щекам, здравых мыслей не было, только паника – что делать дальше?

– Мам, что случилось? – ее за плечо трясла Стася. – Здравствуйте, Анатолий Юрьевич.

– Здравствуй, Стася. Мама позже тебе все объяснит. Готовы, Одинцов? Прошу на выход. Паспорт при вас?

– Пап?! Тебя арестовали?!

Варя потянула за руку рвущуюся к отцу дочь, второй рукой сдерживая Андрейку. Она уже пришла в себя, увидев, как спокоен муж. Она даже улыбнулась – Иван надел спортивный костюм, наверное, для того, чтобы удобнее было лежать на нарах. Представив его в камере среди уголовников (а как иначе?), Варя чуть не рассмеялась – в ее понимании нелепость ситуации зашкаливала. Понимая, что смех ее имеет природу нервную и сродни истерике, она со всей силы ударила раскрытой ладонью по стене.

– Ну, хватит вопить, Стася! Забирай Андрея и ждите меня в комнате. Произошла ошибка, отец скоро вернется домой. Точка. – Варя жестом указала детям на дверь их спальни. – Я закрою за вами дверь, господин Строков. Когда я смогу увидеться с мужем?

– Жду вас на беседу в следственном комитете к десяти тридцати, Варвара Тихоновна. Комната триста двенадцать. Пропуск будет у дежурного.

* * *

Вчера, отметив, как растерян отец Даши, Родион настоял, чтобы она не терзала его допросом. Договорившись, что тот сам позвонит утром, он решительно захлопнул крышку ноутбука и увел жену в спальню. Но поспала ли Дашка хоть часок, не знал. Сам он просыпался несколько раз, Даша лежала все в той же позе, отвернувшись от него. Он наклонялся над ней, прислушиваясь – дышала она ровно, глаза были закрыты. Спала, наверное.

Они поднялись одновременно: оказалось, Даша тоже, как и он, завела будильник на семь тридцать утра, на полчаса раньше, чем обычно...

– Теперь только ждать, Дашуль. На оформление документов уйдет время. По маминому завещанию, как я догадываюсь, место захоронения – склеп Тураниных в Ровенках? Я съезжу туда, обо всем договорюсь, но тело нужно перевезти через границу. Трудно представить, как долго твой отец будет получать разрешение. А если смерть Катерины Петровны криминальная? – Родион ходил по кухне, жуя бутерброд с ветчиной. Кружка кофе кочевала по столеш-

нице, оставляя коричневые кружочки на светлой поверхности. В другое время Дашка его бы за это убила, пусть взглядом. Но сейчас на нее было больно смотреть – вся поникшая, сгорбившись, она сидела на стуле перед включенным ноутбуком.

– Да ты что! У мамы давно диабет, просто дозу инсулина не рассчитала, – с надеждой, что все так и есть, ответила она.

– Вот именно, давно... Не первый раз делает инъекцию, с чего бы с дозировкой путаться? Думаю, не все так просто, – задумчиво произнес он. – И вот что странно – как это они с сестрой в один день мир умудрились покинуть? Да еще и находясь за тысячи километров друг от друга? – добавил он, ставя пустую кружку в раковину.

В совпадения Родион верил. Это когда судьба сталкивает в дверях кафе, а ты понимаешь – вот она, твоя женщина, единственная. И тут же после прозрения срываешься за ней, только бы не упустить. Потом вздыхаешь с облегчением: главное – догнал, теперь остается удержать любой ценой. Потому что вот так совпало, секунда в секунду – он и она в дверях кафе. Кто свел? Только небеса, не иначе... Или тендер вдруг выигрываешь на землю, а кредит в банке на покупку не дают. Злишься, ищешь обходные пути вместо того, чтобы остановиться и подумать – ну, раз так упорно все против, может, не твое, а? И только со временем доходит: Бог уберег – земля с обременением, влетел бы, остался без земли, но с кредитом... Так что верил Родион в такое, судьбоносное.

Но только не в этот раз. Слишком уж подозрительно быстро сестры ушли друг за другом.

– Отец обещал все объяснить. Уже восемь, что же он не выходит на связь?! – в отчаянии воскликнула Даша.

– Так в Берлине шесть утра, – машинально констатировал Родион, думая о своем. В том, что Александр Генрихович Нил эмигрировал в Германию, ничего странного не было: бизнес отжали, и навряд ли Гафуровы позволили бы ему замутить новый. А семью кормить нужно. Катерина Петровна никогда не работала, Дашка студентка, Варя вообще школьница. Но почему так поспешно бежал? Насколько Родиону было известно, оставив семью практически без средств к существованию. Какое-то слабое объяснение – то, что Гафуровы обвинили Нила в случившейся аварии. Ну, обвинили – а где доказательства? Если бы были улики против него, разве бы Гафуров не посадил за решетку преступника? Не было, выходит, никаких улик. То есть Нил не виноват. И эмигрировал он один. Почему оставил дочерей (а Варя ему была как дочь) и любимую жену? Именно любимую: Дарья утверждала, что родители жить друг без друга не могли. Мало того, что бросил семейство, так еще и женился сразу на немке. Непонятная история...

– Даш, а отец вам помогал после того, как уехал?

– Не знаю. Первое время нам было очень трудно. А потом у мамы появился этот спонсор, как мы с Варькой его называли, денег стало больше, но она все чаще оставляла нас одних. В общем, жила своей жизнью. Не думаю, что отец присылал хоть что-то, от матери я не слышала о его щедрости. А вот упреков, что нас кормит чужой человек, наслушалась. А что?

– Я думаю, не лишним будет расспросить твоего отца о том, как он жил в эмиграции. Уверен, услышим много интересного.

Раздался позывной скайпа, Родион подошел и встал за спиной жены.

– Приветствую, дети. Не рано я? – голос смертельно уставшего человека.

– Здравствуй, папа. Мы давно ждем, когда позвонишь.

– Тоже не спали... Я готов ответить на твои вопросы, дочка, понимаю, что у тебя их много. Но позволь, начну с главного признания, и ты сразу многое поймешь. Так вот. За рулем той фуры был я. В тот вечер этот подонок Фарид пил с друзьями в баре мотеля у северного выезда из города. Это, как я выяснил, было постоянным местом сборища их компании. Я следил за ним уже давно, но обычно он уезжал из бара с какой-нибудь девицей. А в тот день вывалился из дверей пьянувший в хлам. Я уже собрался уходить, подумав, что Фарид вызовет такси.

Но он сел за руль своего автомобиля! Дальше все пошло, словно заранее было спланировано. На открытой стоянке перед мотелем стояла фура, я чуть раньше заметил, как водитель вынес из бара ящик пива и скрылся с ним за дверями мотеля. Сразу подумал, что до утра машины он не хватит, так и вышло. Догнать на фуре спорткар Гафурова было нетрудно – тот ехал медленно, буквально тащился. Видимо, остатками затуманенного алкоголем разума понимал, что дорога опасная. Я знал, куда Фарид направляется – на дачу Гафуровых. Когда он свернул с трассы к поселку, я прибавил скорости... да, в тот момент я хотел его убить. Не получилось. Но не жалею о содеянном – твой обидчик получил что заслужил.

– Мама знала, что это ты его сделал инвалидом?

– Подозревала, уж не знаю, откуда у нее появились эти мысли. Спрашивала не раз, но мне удалось ее убедить, чтобы даже не думала так.

– Знаешь, папа, она всю жизнь обвиняла меня в том, что ты уехал из-за ситуации с Гафуровым. Думаю, она тебе не поверила. Сейчас это уже не так важно, но скажи – почему ты так быстро женился? Кто эта женщина? Вы были знакомы раньше?

– Дашуля, брак этот был фиктивным, мне нужно было очень быстро покинуть страну, так как Гафуров уже открыто обвинял меня в попытке убить его сына, но доказательств у него не было. Я понимал, что рано или поздно он если и не найдет улики, так сфабрикует их. И меня посадят. А вам он жизни не даст. А женщина... Ольга Гендель – моя бывшая одноклассница, ее родители уехали из страны еще в семидесятых, она осталась с бабушкой. В тот год мы встретились случайно, ты помнишь, я одно время выпивать начал, когда Гафуров буквально вынудил меня продать наш автосалон. Я тогда не представлял, на что мы будем жить дальше – мама же не работала, вы с Варькой учились. Сбережений хватило бы на год, не больше. Я понимал, что в этом городе Гафуров мне не даст заработать ни рубля. Так вот. Ольга зашла в кафе, где я пил в одиночестве, я ей все рассказал...

– Ты ей признался, что искалечил человека?!

– Нет, что ты. Я озвучил упрощенную версию – Гафуров мстит за твой отказ его сыну. Ее простой вопрос – а не хочу ли я эмигрировать в Германию – поначалу поставил меня в тупик. Я, русский немец, никогда не думал об этом! Ольга предложила фиктивный брак с ней, она после смерти бабушки и родителей окончательно перебралась в Берлин. Не буду грузить подробностями, всем оформлением занималась Ольга, но развели нас с мамой быстро, я выехал как жених, брак удалось заключить через полгода.

– Так мама все знала? И как же она согласилась на эту авантюру?! Мне казалось, вы так любили друг друга!

– У нас не было другого выхода, дочка. Ольге удалось ее убедить в этом. После оформления брака я взял фамилию жены. И смог помогать вам через ее дальних родственников – они передавали деньги вам на жизнь.

– Я правильно понял, что Катерина Петровна вновь вышла замуж за вас, и никакого другого мужа у нее не было? И вы столько лет это скрывали от дочери?

– Да, это было нашим общим решением. И не спешите нас осуждать.

– А когда вы собирались нам с Варей сказать об этом? Или не собирались? То есть когда я разговаривала с мамой по скайпу, ты всегда был рядом? Уму непостижимо.

– Александр Генрихович, а что случилось с вашей женой? Развелись? – встрял в диалог Родион, так как был уверен, что легкая перепалка между Дарьей и отцом вот-вот перерастет в ссору.

– Ольга умерла, у нее уже тогда была неоперабельная опухоль мозга. Ее единственной просьбой было – оставаться с ней до конца. Два года она держалась...

– Мама и об этом знала?!

– Да. И очень жалела Ольгу. Наша мама – прекрасной души человек, Дашенька. Ей столько досталось пережить! Такую непростую жизнь ей уготовила судьба!

– Звучит пафосно, пап, уж прости. Вы, когда затевали эти брачные игры, подумали о нас с Варькой?! Каково нам, девчонкам, было остаться без отца? Ладно, мне уже почти восемнадцать исполнилось, но Варька – школьница. И хотя ты ей не родной отец, она любила тебя. После твоего бегства мать как подменили. Мы были предоставлены сами себе, она практически не обращала на нас внимания. Спасибо, не голодали...

– Вы ни в чем не нуждались, я достаточно денег посылал на ваше содержание! Вплоть до того дня, как вас стали обеспечивать мужья.

– Спасибо, папочка. Нет, я, правда, очень благодарна тому таинственному покровителю, который нас содержал. Мы даже не догадывались, что это – ты. Или не только ты? Мама несколько раз в неделю не ночевала дома, оставляла нас одних на месяц-другой и не скрывала, что у нее есть... друг. Ты молчишь? Не знал о существовании соперника?

– Не нужно осуждать маму, Даша. Я тоже был женат на другой женщине...

– Так брак с Ольгой Гендель не был фиктивным?

Родион видел, что еще немного, и отец с дочерью рассорятся вдрызг. Даша злилась, а он не мог понять почему – какая теперь разница, как жили ее родители? Теща убыла в Германию, когда родилась их с Дашей дочь Ника – в две тысячи четвертом. Значит, семнадцать лет отец с матерью вновь вместе. И жили бы дальше, если бы Катерина Петровна не скончалась... или если бы ее не убили?

– Простите, что возвращаю вас обоих в действительность, – вновь вмешался он. – Александр Генрихович, вы уверены, что ваша жена ввела себе инсулин ошибочно? Где вы были в это время?

– Каждый четверг мы собираемся у соседей на преферанс. Катя не любитель такого отдыха, она обычно остается дома. И в этот раз я отправился на игру в одиночестве. Вернулся к десяти, а она лежит рядом с кроватью на полу. Уже мертвая. Конечно, она сама сделала укол. А как иначе? На тумбочке – пустой шприц. И бокал из-под коньяка. Отпечатки пальцев только ее. Зачем она пила, я, правда, так и не понял... Так нельзя поступать, это опасно! А вы, Родион, почему такие вопросы задаете? Вы думаете, Катя нарочно? Это – самоубийство? Нет-нет, она не могла, тем более сейчас, когда... Или ее убили... но кто?!

– Папа, вы с мамой знали, что тетя Аня жива? – неожиданно перебила монолог отца Даша. Родион, глядя, как мужчина отводит от камеры взгляд, подумал, что тот может и не сказать правды. А правда в том, что тому точно был известен этот факт.

– Александр Генрихович, говорите как есть, – поторопил он обретенного при таких печальных обстоятельствах свекра. – Анна Шуйская, мать Вари, умерла сегодня в машине скорой помощи по дороге в городскую больницу. И есть вероятность, что ее могли убить.

– Я свяжусь с вами чуть позже, – быстро проговорил Александр Нил-Гендель и отключился от связи.

Глава 8

Стася так растерялась, когда мать на них закричала, что молча развернулась, схватила брата за руку и увела в их комнату. Пожалуй, такой злой она видела мать впервые. Впрочем, и все, что происходило недавно в их квартире, было впервые и больше напоминало кадры из детективного сериала: полный коридор ментов, понятых и явно растерявшийся отец. Точно не преступник, решила Стася, успокаивая себя. Иначе почему он так спокоен, если убил эту Анну?

Позже, когда отца увели, мать, конечно, попыталась что-то им объяснить. Но Андрейка ничего не понял, а сама Стася сделала вывод, что мать и сама не знает, какие такие основания есть у Строкова, чтобы обвинять отца. Пришлось Стасе признаться, что она вчера подслушала разговор родителей. Она ждала упреков, но мать, как ей показалось, даже обрадовалась: «Да? Ну, тогда расскажи брату сама, а мне бежать нужно».

Стася, закрыв за ней дверь, почувствовала голод: так случалось всегда, когда она волновалась непонятно из-за чего. То есть не могла понять причину. Когда вроде умом понимаешь, что ничего страшного, а... страшно.

На запах яичницы пришел на кухню Андрейка, Стася разложила еду по тарелкам, нажала кнопку электрического чайника. И тут ее прорвало – брат ел, она же не только пересказывала то, что услышала, но и вставляла свои комментарии. Остановило то, что Андрей, как ей показалось, слушает ее недостаточно внимательно.

– Тебе неинтересно? Что сидишь, как истукан, скажи что-нибудь! – разозлилась она, а он спокойно ответил:

– Суть уловил, зачем понапрасну тратить на эмоции? От меня что-то зависит?

Он ушел в ванную комнату, она же, обозвав брата бесчувственным чурбаном, быстро проглотила остывшую яичницу и запила холодным чаем. А для себя решила, что оснований, чтобы пропустить школу, более чем достаточно. Если содержание подслушанного разговора родителей вызвало лишь интерес, то арест отца уже легкую панику. В его невиновности она не сомневалась, но мало ли что с ним сделают там, в камере. Всякий уголовный сброд во главе с паханом, или как его там называют... в хате? Воровская терминология представлялась ей смутно, по отдельным словечкам, услышанным случайно. Стася детективы смотреть любила, но больше по романам Агаты Кристи, которую обожала. Логику классики понять было легче, смотрела она фильмы в оригинале, без перевода, чтобы слушать английскую речь, успевая вникать в смысл происходящего на экране.

И никогда не думала, что хоть какие-то расследования коснутся ее саму. Ну, ладно, не ее лично, но членов семьи. Точнее – незнакомой ей бабушки Анны, вроде как умершей в далеком девяносто втором году, но оказавшейся живой, а по-настоящему уже убитой вчера. Да... звучит как бред. Но в том-то и загадка – почему тогда не умерла, зачем и кому понадобилось ее убивать... повторно. И загадка номер два: ну, умерла так умерла – воскресла зачем? У Агаты Кристи всегда как-то по ходу расследования образуется ближний круг подозреваемых. А у бабушки Анны какой круг? Родная сестра Катерина – раз. Дочь Варвара, то есть Стасина мама – два. И их родственники – племянница бабушки Дарья, ее муж Варлей, их дети – Вероника и Максим. Далее – муж дочери Варвары Иван Одинцов и она, Стася, да брат Андрейка. И кому из этого круга есть смысл ее убивать? Все уверены были, что она давно мертва. Кто знал, что жива? Только отец Стаси Иван Одинцов. Ну, потом и Родион Варлей узнал, и мама. Но это – потом, когда уже... Получается, следователь Строков отца правильно арестовал?! Как единственного, кто мог... Но он не мог! Отец даже пауков не трогает, хотя Стася их ужас как боится.

Единственная возможность доказать, что отец ни при чем, – найти того, кому выгодна смерть бабушки. Или того, кто опасался, что она что-то расскажет. Какую-то тайну.

«А почему я решила на все сто, что тайна старая? Может быть, бабуля совсем недавно стала свидетелем чего-то страшного? Убийства, например. Если она приехала из другого города или даже страны, то явно хотела здесь спрятаться. Но почему же тогда сразу к нам не пришла? Мы бы ее не выгнали. Зачем к отцу подкатывала? Не к маме? А могла, в принципе, сразу к сестре родной в Германию», – так рассуждала Стася, а сама в это время убрала посуду в мойку, умылась вслед за братом, даже вымыла голову. Когда она открыла дверь их комнаты, то удивленно замерла на пороге: Андрейка спокойно собирал рюкзак.

– Ты что, в школу собираешься? – спросила она.

– Да. У меня олимпиада по математике, пропускать не хочу.

– А как же отец? Его же арестовали! Тебе совсем пофиг? – возмутилась Стася.

– Не пофиг. Но я помочь ему ничем не могу. Да и ты тоже. К тому же мама просила предупредить директрису, что сегодня не придет. Сознайся, ты просто решила прогулять.

– Не тебя просила! А меня, – огрызнулась она, в душе признавая его правоту.

– Так ты ж сидишь дома. Придется мне. Ну, я пошел.

Как он ее бесил, младший братец! Особенно в последнее время. Этим своим спокойствием, рассудительностью и уверенностью в своей правоте. Он всегда просчитывал возможные последствия, прежде чем что-то сделать. Сначала думал, прежде чем что-то сказать. Андрей был правильным и умным до тошноты, можно было подумать, что ему не одиннадцать лет, а все сто одиннадцать. Казалось, старший – он, а не Стася.

Щелкнул замок входной двери, она по привычке проверила, выключил ли Андрей утюг (каждое утро сам наглаживал себе форменные брюки!), убрала гладильную доску в кладовую и распахнула настежь окно. Стася была «жаркой» в отца, брат же всегда мерз, как мама.

«Господи, как же я хочу свою отдельную комнату!» – подумала она с досадой, пробираясь по узкому проходу между письменным столом и книжным шкафом к себе в закуток. Убожество существования в такой тесноте тоже бесило.

Ее в последнее время пугали часто возникающие без видимой причины вспышки безумного гнева. Становилось плохо до такой степени, что учащалось сердцебиение, она ртом ловила воздух, чувствуя, что вот-вот уплывет сознание. Не слушались руки: пальцы становились ледяными, она не могла удержать даже карандаш – он выкатывался из ладони на стол. Замерев, она следила за ним взглядом, дальше тот падал на пол, а Стася боялась нагнуться и поднять его, потому что знала, что если отпустит голову, то упадет в обморок. Накатывал страх такой силы, что она крепко зажмуривала глаза. Но от этого становилось только хуже: фейерверк из цветных кругов, мерцающих звездочек и летающих клочков тонкой паутины лишил ее еще и возможности сосредоточиться и успокоиться.

Однажды такое случилось при отце, и он объяснил, что это состояние называют панической атакой. Научил, как справляться: мол, у подростков такие вспышки не редкость. Стася, конечно, сделала вид, что все поняла, но про себя решила, что не в возрасте дело, а в том, как она живет. В этой нищете, убожестве и рядом с ничем не замечательными родителями и строящим из себя гения братом. Она злилась на них, что наплодили нищету: лучше бы мать сделала аборт, тогда бы она, Стася, сейчас так не страдала.

После того как проходил приступ, становилось странно пусто в душе, словно кто-то вынул ее из тела, вытряхнул, как пыльную тряпку, и кое-как затолкал обратно – живи, девочка, мучайся дальше. Тут же ее пробивало на тихую истерику: жалость к себе, непутевым родителям и заумному младшему брату выливалась потоком слез, промывавшим душу, ту самую «тряпку», из которой пыль-то вытрясли, а постирать забыли. Просыпалась вдруг такая любовь к родным, что Стасе сразу хотелось сделать каждому что-то очень-очень приятное, чтобы улыбнулись, растрогались и испытали благодарность. Если Стася была дома одна, то начинала драить квартиру. Если успевала, готовила ужин: пасту с курицей и салат – единственное, что умела.

Первым возвращался из секции ушу брат. Покосившись на встречавшую его с улыбкой Стасю, молча проходил в их комнату. «Где мои штаны? Куда засунула?» – доносилось оттуда, а Стася, пока еще спокойно, отвечала, что на полке в шкафу. Ладно, Андрей – пацан, они все такие, для них беспорядок – родная стихия. Часам к пяти из школы приходила мама. Стася улыбалась и ей, но та, походя похвалив за чистоту фразой: «Убралась, умничка...», скрывалась в спальне и запиралась там на час-полтора. Умом Стася понимала – она устала, наверняка гудят ноги, маме нужно просто полежать. Но подступившая вдруг, пока еще легкая, обида портила настроение.

Отец приходил к ужину, накидывался на ее стряпню с аппетитом, Стася смотрела на него с удовольствием и гордостью за себя, подкладывая добавку. «Ты готовила, дочь?» – спрашивал он, подмигивая. «Я. Вкусно?» – с надеждой замирала она. «Безумно! Посуду помоешь?» – отвечал отец, но она видела, что мыслями он уже где-то далеко. Обыденность вопроса о посуде разрушала все волшебство момента, у Стаси от разочарования (не оценил никто!) в горле вставал ком обиды, она, сглатывая его, машинально убиралась на кухне. Потом, проходя мимо спальни родителей, заглядывала в приоткрытую дверь. На ее тихое «Я там все вымыла» мама, не поворачивая головы, бросала коротко «молодец». Все. Свободна. Что ж, ничего такого особенного дочь не совершила, подумаешь, старалась...

Панические атаки случались все чаще, а желание сделать что-то для домочадцев появлялось все реже. Однажды, поняв, что никто, собственно, этих хозяйственных подвигов от нее и не ждал, она решила, что с нее хватит. Ее не замечают, так и ей на всех будет наплевать. В этом своем новом облике пофигистки Стася почувствовала себя прекрасно. Она стала капризна в еде. И если раньше давилась нелюбимой кашей, чтобы не обидеть мать, то сейчас молча лезла в холодильник за куском колбасы, оставляя кашу на тарелке нетронутой. Мать молчала. Стася совсем перестала убирать за братом разбросанные вещи – в ее углу порядок был, и ладно. Андрей этого не заметил, отыскивая в кучах барахла то, что было на тот момент ему необходимо. А отец... Он приходил домой все позже и позже.

Стася поначалу насторожилась: совсем недавно Ритка призналась, что в их «святом» семействе появилась официальная любовница отца. Стася опешила не от самого факта измены мужика, а от присвоенного любовнице статуса «официальной». Ритка пояснила, что мать как бы дала разрешение на походы мужа налево, лишь бы он не уходил от них. Подивившись, что такое вообще возможно, Стася спросила, а как все начиналось? Как оказалось, вот с таких поздних возвращений главы семейства домой. Дальше пошли проведенные в одиночестве ее матерью уик-энды, частые «командировки» родителя и, наконец, признание того в любви к другой женщине. Стася прикинула тогда – у них в семье, по всему выходит, первая стадия уже наступила. Нужно ждать продолжения. Но вместо любовницы отца в семье объявилась бабушка. Точнее, ее свежий труп...

Стася, устроившись поудобнее на подушках, открыла ноутбук. Вчера она остановилась на том, что нашла профиль Анны в «Одноклассниках». Закрытый профиль, список друзей (их всего двенадцать) не откроется, но посмотреть подписчиков можно. «Сорок один человек! Нехило для бабули. И чем она могла их заинтересовать? Может быть, тоже цветочки разводит, как Катерина Петровна? Что же, придется просматривать каждого», – решила Стася, открывая поочередно профили в отдельных вкладках. В строке уместилось двадцать, тринадцать из них оказались закрытыми, как и у Анны. Остальные, сколько ни рассматривала фотоальбомы и заметки, интереса не вызвали. Но у четверых из семи в сведениях городом проживания значилась Тюмень.

Оставив вкладки с жителями Тюмени, Стася закрыла оставшиеся. Еще в двадцати одной вкладке оказалось четыре человека из этого же города. Профили открыты, возраст примерно одинаковый – за пятьдесят, и все женщины. «Прямо клуб по интересам какой-то. Только интерес не пойму в чем?» – Стася внимательно просматривала альбомы с фотографиями.

Зацепка выплыла неожиданно – все дамы увлекались вышивкой крестом. Стасе даже понравились некоторые работы, чем-то напоминавшие старинные гобелены, на которые она как-то наткнулась в интернете, гуляя виртуально по музеям Парижа. Кажется, это был музей Клюни. «Бабуля у нас крестиком вышивала, понятно. Но что это дает? Да ничего путного. Смотрим дальше».

Очередь дошла до профилей тех, кто подписался на Анну в числе последних. Вышивальщицы ее больше не интересовали, но вот трое обладателей одинаковой фамилии Коваль – очень даже. Но к досаде Стаси подробная информация на всех троих отсутствовала. Вместо фотографий – смешные аватарки. Возраст – по сто два года каждому. Ни местности, где проживают, ни друзей, ни подписчиков. Только имена – Елена Коваль, Лизавета Коваль, Григорий Коваль. Стоп! У Лизаветы есть один подписчик!

Стася посмотрела, кто это. Им оказалась Анна. Та самая, со звездочками и значками вместо фамилии. Очень похожая на фотографии на Лидию Туранину, свою мать.

По часто забившемуся сердцу Стася поняла, что нашла на верный след.

Глава 9

Капитан Строков впервые при задержании подозреваемого чувствовал неловкость. Совсем худо стало, когда из своей комнаты вышла Стася, одноклассница сына Кости, за ней заспанный и ничего не понимающий пацан, ее младший брат. Анатолий знал, что его сын влюблен в эту девочку, как водится в их роду – безответно. И он, Строков, женился на той, что лишь позволила себя любить, и отец живет с его матерью – чистокровной армянкой, зная и принимая ее терпимость к нему, и только. Про деда со стороны отца Анатолию известно только одно – умер довольно молодым, ранний инфаркт сразу после развода, и бывшая жена даже не пришла проводить его в последний путь. Выходит, карма такая у мужчин Строковых: любить, но любимыми не быть.

Только он недавно понял, что любовь без взаимности рано или поздно переходит сначала в привычку, а потом медленно умирает совсем. Нечем ей питаться, обратной отдачи никакой, вот и гибнет от недостатка энергии. И он все чаще на жену поглядывает с недоумением – как смог влюбиться-то?

Строков не сразу понял, откуда мысли такие несвоевременные – о любви: едет в машине, на заднем сиденье задержанный подозреваемый в убийстве, о деле бы подумать. А когда понял, почему вдруг, сам удивился. Вот оно: задело, как Варвара Тихоновна Одинцова бросилась мужа защищать. Позавидовал... так только за любимых переживают. Даже на миг на его месте оказаться захотелось, чтобы вот такая женщина была рядом.

Строков раньше видел Стасину мать только несколько раз в школе, однажды специально в кабинет истории заглянул: Костя накануне признался, что равнодушен к Стасе. А ему любопытно стало, что за мама у нее. Тогда решил – обыкновенная тетка, ну, симпатичная. Только глаза заметные: темная синева, словно омут в озере... Она вела урок, Строков извинился, закрыл дверь. Но взгляд ее строгий запомнил.

Сегодня же в ее синеве плескалось отчаяние...

Строков незаметно бросил взгляд на Одинцова в зеркало заднего вида. И не понял, почему тот так спокоен. Улики все против него, утром оперативник принес еще и запись с камеры наблюдения магазина, расположенного рядом с домом, где почти два месяца снимала квартиру пострадавшая Анна Шуйская. Человек, который вышел из подъезда незадолго до того времени, когда соседка, обнаружив на площадке женщину без сознания, вызвала «Скорую помощь», очень похож на Одинцова комплекцией и ростом. Алиби у доктора шаткое – то, что тот был в это время в прозекторской, подтвердить смог только санитар морга Саид Аликбеков, личность мутная – разрешение на работу в России, как выяснилось, у него поддельное. Подкупить такого труда не составит. Угрозами разоблачения, шантажом или банально бабками.

Кроме того, Шуйская скончалась от инъекции инсулина, а диабетом больна не была. Одинцову как врачу, вне сомнения, известно, что будет со здоровым человеком, если ввести большую дозу гормона: гипогликемия, кома, летальный исход. Если вовремя не оказать помощь. Шуйской помощь опоздала. Некому, кроме убийцы, было вызвать неотложку. А преступник ушел, оставив ее умирать, женщина только и смогла, что открыть входную дверь, на пороге которой и потеряла сознание. Кстати, телефон, найденный в кармане ее куртки, был полностью разряжен. А зарядный блок в квартире не обнаружили.

Хорошо, дверь не захлопнулась, когда она пыталась из квартиры выйти – паспорт с пропиской в Тюмени был обнаружен фельдшером «Скорой помощи» на кухонном столе, там же лежала папка с другими документами – медицинским полисом, водительскими правами, свидетельством о рождении девочки Анны Тураниной, появившейся на свет третьего апреля тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Мать – Лидия Владимировна Туранина, отец – Петр Николаевич Туранин. А вот свидетельство о браке с гражданином Шуйским, чью фами-

лию носила пострадавшая, отсутствовало. Вещей в шкафу-купе минимум: голубые джинсы, серые широкие брюки, две блузы – черная и кремовая, пара футболок, тонкий свитшот цвета сливы и нижнее белье. Обуви в коридоре две пары – кроссовки и полусапожки на низком каблуке тридцать шестого размера. На вешалке – утепленная синтепоном короткая курточка. Сама пострадавшая одета в спортивный костюм, на ногах – тонкие носки и тапочки.

Когда Строков осматривал кухню, удивился – в холодильнике продукты все по полочкам, а на столе так и лежит в фирменном пакете магазина «Таруса» пачка мюсли. И чек от третьего дня. Если не ест, зачем приобрела? Отправляя вчера оперативника в «Тарусу» проверить камеры наблюдения за седьмое сентября (дата чека), Строков особенно ни на что не надеялся. Но нет, именно на этих записях и обнаружил в очереди в кассу номер два Шуйскую и... доктора Одинцова. И момент их встречи у стеллажей, и пачку мюсли в руках женщины, и то, как ждала та Одинцова у ячеек хранения уже после того, как оплатила покупку. Было очевидно – инициатором знакомства была она, Анна Шуйская. Но этот факт никоим образом не отметал подозрения Строкова – именно Одинцов ввел ей смертельную дозу инсулина. И лучше бы тому чистосердечно признаться в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.